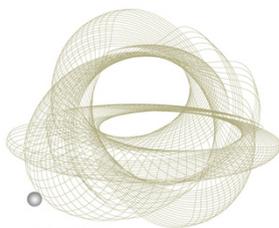

НИКОЛАЙ
БАСОВ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ЭКСПАНСИЯ

Николай Владленович Басов
Рождение гигантов
Серия «Мир Вечного Полдня», книга 8

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124439
Рождение гигантов: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-08424-X*

Аннотация

Зерно-зародыш мыслящего лабиринта, некогда привезенное Ростиком Гриневым на Россу, начинает давать первые «всходы». Из гигантских яиц появляются удивительные существа, способные действовать с человеком как одно целое и наделяющие при этом своих «наездников» сверхвозможностями. Поначалу кажется, что этот «дар» позволит переломить ход войны с пауками-комши и даст человечеству надежду на выживание. Но к симбиозу с гигантами оказываются подходящими ничтожно малое число людей, да и тех отыскать и подготовить никто, кроме Гринева, не может. Как же быть? Одному Росту создать целую армию не под силу, а заменить его среди людей некем...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Часть вторая	38
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Николай Басов

Рождение гигантов

Часть первая

Пожиратель металла

Глава 1

Большая, почти в три метра диаметром и слегка вытянутая сфера внушала сложные чувства. Иногда она казалась красивой, правильно оформленной, безупречной. А иногда вызывала дрожь, словно способна была из всех подряд выкачивать смелость, хотя ребята, которые ее разглядывали, почти сплошь были проверенными, по мнению Ростика, даже отчаянно смелыми.

Сонечка Пушкарева, на правах хозяйки, оставшись на Алюминиевом заводе кем-то вроде главного распорядителя, хотя и не получила назначение командовать всем этим скоплением построек, людей и нелюдей, а также неизвестно куда исчезнувших машин, как будто растаявших в воздухе, попыталась объяснить:

– Я полагаю, что это что-то новое, какой-то новый фактор, с которым мы прежде не сталкивались.

– Или новое проявление старого явления, которое мы уже знаем... Только объяснить не умеем, – добавил вполголоса Перегуда.

– Широ́в вызывали? – спросил Председатель Дондик, он выглядел донельзя усталым, даже глаза у него оставались полуприкрытыми.

– Вызывали, – бодренько доложил Пестель. – Они тоже ничего определенного сказать не смогли.

– А может... – Перегуда почему-то ежился даже в своем знаменитом, еще с Земли оставшемся, штатском пальто, сером и не слишком плотном, для Полдненья – в самый раз. – Нет, наверное, это чушь...

А ведь весна только-только перевалила за середину, иногда ночами в воздухе кружила обычная для Полдненья снежная крупа, которая куда чаще, чем хотелось бы, заменяла тут нормальный русский снег.

– Ты договаривай, – попросил его Пестель.

– А нельзя ли их попросить, чтобы они в своих книжках что-нибудь прочитали? У них же там целая библиотека, которой, – Перегуда повернулся к Дондику, – прошу это заметить особо, никто всерьез не занимался.

– Зачем так говоришь? – вступил в дискуссию Эдик Сурдянян, некогда бывший главой человеческой колонии в Чужом городе, у Широ́в. Он стал каким-то коротким, но плотным, что часто бывает с мужчинами на Кавказе. Его акцент почти исчез, но иногда проявлялся, или Эдик им немного специально бравировал. – Занимались, многих мы туда возили, даже этих, прозрачных с мечами пробовали... Никто не способен это усвоить и привести в нормальное для размышления состояние.

– Да, – вздохнул Дондик, – один-два человека, какими бы они толковыми ни были, там не справятся. А обученного народа, чтобы всерьез эти таблички каталогизировать, просто понять, по какому принципу тамошняя библиотека организована, у нас, разумеется, не имеется.

Перегида хмыкнул.

– Получается, что слишком много знаний – то же самое, что полное их отсутствие.

– Делали, что могли... – стал слегка кипятиться Эдик.

Но Перегида и сам понял, что перегнул палку, поэтому примирительно похлопал его по плечу. Тогда Эдик успокоился. Рост еще раз посмотрел в сферу, которая лежала перед ними, до трети вросшая в крепчайший ширский литой камень, из которого были сделаны на Алюминиевом, казалось, все постройки.

На вид это была немного шероховатая, матово-серая поверхность, не слишком отличная от природных камней, временами в странных бороздках, как бы расписанная любителем орнаментов, временами слегка пупырчатая, как огурец. Там и сям через камень пробивались удивительные, явно металлические жилки, именно что живые стебли, а не арматура для крепости. И еще Ростик почувствовал, что под этой поверхностью происходит какой-то на удивление важный и сложный процесс. Он не брался его даже разгадывать, знал, что ему это не по силам.

Баяпошка неведомым образом поняла, о чем он думает, подошла ближе и попробовала что-то ему передать, то ли какую-то мысль, то ли просто свое ощущение. Но это сейчас мешало, к тому же Ростик не хотел, чтобы она стояла так близко. Лада, как будто он попросил ее вслух, тут же встала у другого его плеча, внутренне отталкивая Баяпошку. Спасибо, вздохнул Ростик, хотя лучше бы этого скрытого соперничества девчонок не было. Но тут уж он сам напортачил, приходилось терпеть.

С корабля, который стоял в Гринозере, так странно названном в честь Роста, он приволок с собой только Ромку и Ладу, но Баяпошка сама как-то появилась через пару дней, тоже прилетела, должно быть. Причем одна, без Квадратного, что было крайне неприятно Ростику, хотя, с другой стороны, и тут он поделаться ничего не мог, отношения мужчины и женщины – тайна двоих, в которую прочим вход заказан.

Дондик вдруг осмотрелся, словно бы проснулся, и обратился к незнакомому Ростику пареньку с новенькими лейтенантскими погонами, который сопровождал Председателя в этой поездке и был кем-то более значимым, чем просто пилотом на начальственном антиграве. Незнакомый лейтенант поднял факел повыше, осветив дальнюю стену.

Помещение, где они находились, сразу стало огромным, более угрюмым, пожалуй, даже давящим.

– А что это такое? – Дондик не слишком определенно повел рукой над собой.

– Тут было убежище против возможного налета борыма, – пояснила Сонечка. – Тогда, если вспомнить, мы борым здорово переоценивали, вот и строили, как бомбоубежище. – Она вздохнула, вероятно, что-то личное пришло ей в голову при воспоминании о тех временах. – Потом, когда стало ясно, что борым в эти края почти не доходит, про него забыли. Иногда этот подвал использовали как склад, но тут много грунтовых вод, слишком сыро, техника ржавела, вот и забросили... Даже не заметили, как это выросло.

– Выросло или появилось? – спросил Пестель. – Если выросло, тогда следует полагать, что оно – живое.

– Оно – живое, – отдельно проговорил Рост.

– Еще соображения имеются? – Дондик уже внимательно смотрел на него.

– Не слишком разумные, Степан Кузьмич, вряд ли стоит...

– Тогда я прошу тебя как следует это дело расследовать. Сможешь?

– Нужно поехать... И не только тут посмотреть, но и на Вагоноремонтном побывать.

– Побывай. У тебя теперь антиграв с персональным пилотом имеется, – он с озорной усталостью поглядел на Ладу, разумеется, все понимая. – По времени я тебя не ограничиваю, только разберись, пожалуйста.

Антиграв Росту и вправду выделили, едва они добрались до Города, причем Лада добилась, чтобы на него тут же перевели и Микрала, которого ценила за способность понимать приказы и не слишком сердиться на нее, если она бывала не в духе. Вторым пилотом как бы сам собой сделался Ромка, вот только летал он еще даже не как ученик, а гораздо хуже. Но Лада утверждала, что научит его, и через полгода парня можно будет хоть в бой посылать.

– Мы не сумеем разобраться, пока это не проявится как следует, – сказал Ростик, понимая, что недоговаривает. Следовало бы пояснить, как оно может проявиться и что из этого выйдет... Вот только он сам этого не знал, а гадать просто так не хотелось, с начальством все-таки разговаривал. – Но я утверждаю, что для нас, людей, эта штука не опасна. Хотя, скорее всего, она очень мощная.

– Мне нужно, чтобы она не просто безопасной была, а чтобы мы ее контролировать умели.

– Вот про это – ничего пока не скажу, – решил на «приговор» Ростик. – Поживем – увидим.

– Не слишком ли легкомысленно, – спросил Перегуда, – ждать, пока оно проявится? Что, если потом спохватимся, а остановить его?..

– Другого все равно не дано, – проговорил Рост, и на том, как ни странно, обсуждение прекратилось.

Когда вся команда, освещаемая факелом неизвестного лейтенанта, выползла на свет, Дондик быстренько пробежался по заводу и уже через полчаса улетел в Боловск. Рост тем временем пил с Пестелем и Ладой чай, который им на удивление вкусно приготовила Сонечка. Еще тут был Микрал, бакумур-загребной-адъютант раздобыл где-то мелких сушеных рыбок, кажется, выловленных местными волосатиками из ближайшей речки, но к ним никто, кроме него, не притрагивался. Зато он-то жевал их горстями, с головками и хвостами.

– Не чавкай, – сердито бросила Лада. Микрал послушался, стал жевать потише, поглядывая на нее своими здоровенными глазищами, прикрытыми дневной мутноватой пленочкой, на всякий случай поигрывая высокими и острыми, как у овчарки, ушами, которые то поднимались у него на затылке, то опускались. А может, он дергал ими от наслаждения, ну, любил он покушать, что тут поделаешь?

– А этот парень, который возит Председателя?.. – неопределенно спросил Рост.

– Лешка Костыльков, – пояснил Пестель. Поправил очки. – Он служит кем-то вроде адъютанта при Дондике. Тот ведь теперь армией сам занимается, никому больше не доверяет, а одному все это волочь – не всегда получается.

– И аглорами командует? – поинтересовалась Лада.

– Нет, с невидимками никто общего языка найти не может. Они Председателю недоступны, – отозвалась Сонечка.

– А тогда – хрен ли в этой армии? – благодушно спросила Лада.

Пестель пожал плечами. Лада повернулась к Росту.

– Ты на самом деле хочешь смотаться в Боловск? А то мне неплохо бы профилактику нашему антиграву устроить, он же тысячу лет, почитай, на складе валялся, его и не осматривал никто. А стоило... В общем, многое нужно, чтобы он не поломался где-нибудь над Водным миром.

Ростик кивнул, и удовлетворенная Лада потопала готовить машину к отлету. На этот раз почти с энтузиазмом. Рост подумал и спросил:

– Чего Председатель такой квельый?

– У него что-то разладилось с девицей. Он ухаживает, даже окучивает ее, образно говоря, а она... Не в порядке наш глава, далеко не в порядке.

– И у этого тоже с девицами? – искренне удивился Ростик.

– Что значит – тоже? А еще у кого? – Подумав, Пестель вдруг пустился в объяснения, согласно собственной версии. Ростик и забыл такую вот особенность у друга. – Когда мало мужиков осталось, мы на все девчоночьи перипетии смотрели сквозь пальцы. Оно и понятно, это согласуется с природой. Мужики, с точки зрения общества – менее ценный материал, потому что для восстановления популяции достаточно совсем немного... этих самых мужиков. И упустили момент, когда... Да, кажется, это называется точкой возврата, когда еще можно было бы восстановить привычные морально-брачные обычаи. И вот наши, так сказать, феминистки, которым, в общем, маловато досталось внимания и мужской энергии, пустились...

– Девицы всегда отказывали тем, кого не слишком уважают, или не любят, или когда просто имеется более знакомый и удобный вариант, – сказала Сонечка.

Рост вздохнул и отпил чаю.

– Да, пожалуй, они всегда нацелены на удобность партнера или мужа для себя... Хотя, нет, им нужен комфорт для всей семьи разом.

– В случае с Председателем это не сработало.

Росту даже не захотелось узнавать, что это за тетка такая, как ее зовут и знает ли Ростик ее лично. Скучная это была материя. И малозначимая. К тому же они и так ни с того ни с сего насплетничали больше желаемого. Не любил Ростик такие вот пересуды.

– Джордж, ты покажешь мне то место, откуда арматура из разрушенных пятиэтажек исчезла?

– Сегодня? – Получив утвердительный кивок, Пестель оживился. – Могу показать. Мы несколько кусков на исследования даже в Универ сволокли... Только, знаешь, мы и лабораторными средствами ничего нового не выяснили. Представь себе, вот была арматурная сталь впечатана в панели наших пятиэтажек, а потом... Растаяла. Словно бы ее кто-то очень аккуратно растворил. Следы ребристости арматурин остались, даже следы проволоки, которой строители их связывали, чтобы сваривать, тоже наблюдаются. Но и проволока эта, и, представь себе, ржавчина – все исчезло. – Он помолчал. – Испарилось без следа. Было – и нету ничего, только пустоты в цементе с отпечатками.

Ростик почему-то сразу представил себе эту картину. Наверное, потому, что Пестель так здорово и точно заметил исчезновение ржавчины, которая, что ни говори, а тоже состоит из металла.

– А в целых пятиэтажках?

– Кто же теперь, когда нет ни воды, ни электричества останется жить в этих доминах? Там упаришься только воду носить на этажи.

– Они все покинуты?

– К сожалению, брат, места для проживания хватает. – Пестель сокрушенно покачал головой. – Слишком много народу погибло в первые годы, слишком мало нас осталось.

Ростик отставил кружку, поднялся.

– Значит, покажешь.

– Ну, вообще-то, я собирался еще в Лагерь пурпурных заскочить, полюбоваться, как они на свой манер наладили выпуск молдвуна, но теперь... Как-нибудь в другой раз. У вас место для меня в гравилете найдется? А то я тут засиделся с тобой, и наши все уже уплыли.

– О чем речь?

Они нашли Ладу, которая, нахмутив брови, совершенно по-шоферски пинала сапогом по одному блину выделенной ей летающей лодочки. Микрал стоял рядом и ждал, когда его попросят сделать то же самое, только размашистей и сильнее.

– Ага, – буркнула Лада, в последнее время она часто бывала не в духе, в ней даже какая-то беспричинная грубость проскальзывала, – явились. Котел кочегарить?

Сверху, из какой-то надстройки на стене вокруг завода, сбежал Ромка с Фремом. Они неслись, как мальчишки, которые играют в футбол, но даже не запыхались при этом. Ромка спросил:

– Я нужен?

– Он тебе на аэродроме нужен, для твоей профилактики?

– Пускай здесь послужит, – отозвалась Лада, не оборачиваясь, – у Сонечки, почитай, и служивых не осталось, как только управляется, бедняга.

Вылетели минут через десять. Рост с сожалением подумал было, что так и не узнал, какие новости о Лагере способна ему сообщить Сонечка, которая в силу близости к постоянному месту обитания пленных пурпурных должна была знать о них больше всех, кроме, может быть, постоянно обитающих в этом самом Лагере стражников, которые давно, наверное, уже превратились просто в наблюдателей, не вмешивающихся в жизнь малопонятных и не склонных к лишним контактам с людьми губисков.

Потому, кажется, и не стал настаивать, чтобы Лада подождала его для этого разговора с Пушкаревой.

Лада по неизвестной причине продолжала злиться. Рост ее не слишком понимал, и, может быть, зря. Что-то такое с ней происходило, причем это касалось и его, не слишком сильно, не радикально, но все-таки... Он размышлял о том, что, возможно, это ошибка, но почему-то решил, что на эту ошибку Лада каким-то образом рассчитывает... Или надеется, что Ростик не станет ее слишком уж внимательно читать.

– Ты остановиться в городе где думаешь? – спросил Пестель, который своей нескладной и еще более худой, чем в юношеские годы, фигурой устроился сразу за креслами пилотов, в пушечной башенке.

– Как это? – удивился Ростик. – Дома, конечно.

– Не повезло тебе, – оповестил Жорка. – Таисия Васильевна опять укатила к своим любезным лошадям. У них сейчас сезон спаривания в полном разгаре.

– Жалко, – откровенно признался Ростик. – Я маму уже больше года не видел.

– Машину почию, – вдруг «снизошла» Лада, – и смотаемся на пару часов. Для наших забот – невелика потеря.

Ростик хотел было ответить, что два часа – это не то, чего он хочет. Что ему важно поймать маму, когда она наливает ему чай с вишневым вареньем, или даже вовсе приготовила бы вишневый компот, пусть и из сушеных ягод, и чтобы она была спокойной, милой, расслабленной, в знакомом с детства халате и шерстяных вязаных носках, в которых давала своим ногам отдохнуть. Но так ничего и не сказал.

– Лихо ты гонишь, – похвалил Ладу Пестель. – Я так уже не могу.

– Если ты уравнишь машину, отправившись в трюм, тогда еще быстрее пойдем, – отозвалась пилотша.

– Ты чего такая? – поинтересовался Ростик.

И вдруг она... В общем, у нее произошел какой-то всплеск, да так, что у Роста в прямом смысле слегка поплыла голова. Оказывается, Лада уже давно хотела его, хотела близости и любви, мечтала о ласке и страсти... А он почему-то этого не замечал или сознательно отгородился... И вот теперь, когда они летели в Боловск, где у Ладки кто-то был на примете, она боялась, что не выдержит, что... изменит ему в самом простом значении этого слова. Ну не привыкла она к воздержанию или была слишком уж сильной и накачанной физически девицей, не могла с собой не считаться.

Любила Ростика так, что у нее даже тепло вдоль позвоночника разливалось, когда она о нем думала или просто видела неподалеку... И боялась, что не сумеет сдержаться.

«Эх, девушка, – грустно подумал Ростик, и понял, что он от этого своего нечаянного открытия еще больше от нее отдаляется, – отпустить бы тебя, как птичку, но разве ты

уйдешь? Так и будешь мучаться, плохо про себя думать, про меня тоже, и если не сумеешь держать себя в руках, только хуже все станет».

Он так задумался, что даже не понял, о чем она его спрашивала.

– Что?

– Может, не будем пока к аэродрому рулить? Я туда и завтра смотаюсь, профилактика – это не слишком сложно... А если что-то не будет получаться, возьму другую лодочку, не хуже этой. Даже еще лучше может обернуться, эта как-то нос по-дурацки опускает, что-то у нее с передними блинами.

– Ты к тому, что хочешь сесть перед его домом и побездельничать? – спросил Пестель.

– Ванну я хочу, причем настоящую, с мылом, и чтобы он мне горячую воду подливал, когда она остынет.

Ростик хмыкнул, что касается того неизвестного «на примете», то она себя победила, как привыкла побеждать всегда, как все люди здесь, в Полдненье, научились справляться с собой.

Город вывалился на них довольно неожиданно, Рост и забыл, что он стоял на небольшой возвышенности и потому в плоском мире Полдненья бывал виден издали, но выпрыгивал, как из засады – весь и сразу, видный до отдаленных домишек, особенно с высоты. Рост посмотрел на Острохатки, показавшиеся ему странно разросшимися, на Бобыри, бывшие некогда простым хутором, а теперь потихоньку жиреющей пристройкой к заводу, и повернулся к Пестелю.

– Город разрастается.

– Нет, просто почему-то строить стали шире, с огородами, с участками не только для цветов или огурчиков. Теперь чуть не каждый собственную латифундию пытается устроить.

– Жрать хочется, вот и строят, – уронила Лада. – Это вы, служивые, о таких мелочах не думаете, а люди, почитай, не каждую весну, когда запасы кончаются, едят досыта.

– Мы-то – служивые, а ты кто? – съязвил Пестель.

Лада хмуро посмотрела на него, изогнув лебединую и не слишком чистую шею, потом нехотя отозвалась:

– А я, может, тоже о своем хозяйстве мечтаю.

– Давай, хозяйка, – приказал Ростик, – вон к тем развалинам. Домой позже полетим.

Он указал на почти уже не возвышающиеся среди каких-то рытвин груды мусора, бывшие некогда хрущевками, в стороне от красивого, издали даже щегольского строения, в котором обитали Шир Гошоды, который эти полурастения-полулюди и выстроили в их городе как базу своей Боловской колонии.

Они приземлились. Лада сумела между рытвин и остатков стен найти едва заметную площадку, покрытую лишь подтаявшим снежком и грязью. Рост с охотой выпрыгнул из машины. Почему-то сидеть рядом с женщиной, когда она так явственно обдавала его жаром своих мыслей и полуподавленных желаний, было трудновато.

За ним следом, с меньшей ловкостью, из невысокого антиграва выполз, пригибаясь, Пестель. А ведь когда-то он входил в волейбольную сборную города, вспомнил Ростик, и уж в чем-чем, а в неуклюжести замечен не бывал.

– Где будем смотреть? – спросил он.

– Какая разница?.. Вот плиты сломаны, – указал Пестель на обломки в полусотне шагов от места их посадки. – Там все видно.

Лада тоже спустилась за землю, удерживая полетный шлем в руке. Ее волосы стали какими-то слишком длинными... для нормального служаки.

Пестель вдруг убежал вперед, видимо, хотел найти наиболее доказательный скол бетонных плит. Ростик негромко проговорил:

– Лад, а воды я тебе подолью сколько угодно. Мама наших домашних бакумуров в ежовых рукавицах держит, они дров не пожалеют, все устроят в лучшем виде.

– Почувствовал, чертяка, – с чувством проговорила девушка. – Вот за это я тебя и боюсь, Гринев.

Пестель выскочил из-за соседней, боком стоящей плиты в мелких керамических квадратах и взмахнул рукой:

– Рост, сюда, тут почти показательный скол имеется.

Ростик подошел, посмотрел, но особенно разглядывать было нечего – Пестель и так все описал исчерпывающим образом. Рост попялился на сломанную плиту, собрался... Ну, дырки у расколовшейся поперек панели, вторая ее часть упала и лежала теперь на метр ниже. Но потому и отвалилась, что в сколе, прямо по его середине однообразно и ровненько шли пустые, круглые, как от больших пуль, отверстия. И следов ржавчины вокруг них действительно не было.

– Что думаешь? – спросил Пестель.

И вдруг, словно бы наваждение, наведенное на него страстной Ладой, накатило снова. Рост понял, что ощущает... Он повернулся чуть не на каблуках, и посмотрел назад, туда, где они были только сегодня днем, откуда прилетели. В сторону Олимпа, который за туманной изморозью был отсюда не виден, хотя в ясную погоду летом его отлично можно было разглядеть.

– Ты чего? – спросила Лада, она обеспокоилась, у нее даже рука дернулась к поясу, где висел ее пистолет.

– На нас кто-то смотрит, – проговорил Ростик, не слишком понимая, что его слова могут значить.

– Откуда? – не разобрался Пестель. Тоже оглянулся, но смотрел на развалины, искал среди них хотя бы намек на настоящую опасность.

– С Олимпа, – упавшим до шепота голосом добавил Рост. – Эх, зря мы оттуда улетели. Главное – там.

– До Олимпа – почти три сотни километров, а если считать до вершины, тогда больше. – Лада призывала его к здравомыслию.

Ростик повернулся, чтобы лишить Пестеля возможного отказа, даже взял его за пуговицу бушлата, и спросил:

– Жорка, ты можешь нам раздобыть дыхательные аппараты, чтобы взобраться на Олимп?

– Акваланги подойдут? – спросил Пестель, хотя в его глазах определенно читался испуг, он почему-то не понимал, чего хочет Ростик.

– Не знаю, что подойдет, просто хочется иметь баллон с воздухом, чтобы можно было подняться туда и... Не знаю, но что-то мы там должны найти.

– Акваланги раздобыть несложно, – признал, наконец, Пестель, хотя по-прежнему мало что понимал. – Мы почти с десятков штук изготовили. А воздушный насос можно на заводе позаимствовать, там даже небольшие такие есть, для твоих... экспериментов в самый раз будут, их несложно в трюме антиграва закрепить.

Рост облегченно вздохнул, посмотрел на Ладу. Она тоже мало что понимала, но привыкла Ростика доверять. И кроме того, она догадывалась, Рост приступил к действию. Новая ситуация получила свое развитие.

Глава 2

Ким мял Ростиковы бока и плечи так долго, что Лада даже решила вмешаться. И не без успеха, силушки ей было не занимать, уж в этом кто-кто, а Ростик убеждался не раз.

Впрочем, последнее время ему становилось все понятнее, что не он один. Но после того как Лада почти неделю прожила в его доме, он решил отгонять эти мысли. Не то чтобы в любовных делах он был фаталистом или... пацифистом, просто он все чаще подмечал за собой элемент стоицизма, когда перенести какую-либо неприятность было проще, чем разгонять нервы и усложнять ситуацию – прежде всего для самого себя.

– Ну, ты... – от волнения Ким, казалось, не находил слов. – Ты же... Вот наконец.

Что он хотел этим сказать, было понятно Ростик и немного Пестелю. А вот Лада слегка перепугалась, только виду не подавала. Зато, когда они уселись на бережку холодного ручья, который даже под весенним солнышком стекал с Олимпа пополам со снегом, Ким решил удариться в воспоминания.

– Все как встарь, – он счастливо оглядел Пестеля. – Когда мы втроем... Нет, вчетвером, с Антоном...

– Там еще много кого было, – высказался и Ростик. Он и корил себя за внешнюю холодность, и в то же время знал – того, как он смотрит на Кима, достаточно, чтобы друг не заподозрил его в черствости.

– Я про тебя много наслышан в последнее время, – оповестил Ким. – Такое впечатление, что только о тебе и говорят.

– Может, ты только о нем и слушаешь басни всякие? – спросила Лада подозрительно.

– Ничего себе – басни! Да у нас половина народу мечтает к тебе устроиться как-нибудь. Я по десятку рапортов в неделю получаю с просьбой перевестись в твою команду.

– Врешь, – уронила Лада. И тут же взгляделась в Ростика, не переборщила ли она.

– Тем не менее факт в том, что все полагают: только у тебя настоящие дела и творятся. – Ким махнул рукой, словно отрицал весь мир, который лежал под ними и был неплохо виден в этот ранний весенний денек с высоты Олимпа. – А остальное... Рутинка, брат.

– На этот раз ничего рутинного я тебе предложить не могу, – смеясь глазами, оповестил Ростик. – Даже наоборот, будем, если все удастся, первой командой, которая заберется на верхушку Олимпа. Покорим его, так сказать.

– Неплохо, – кивнул Пестель.

– Ребята, – Ростик попытался стать серьезным, хотя рядом с Кимом в таком вот настроении это было непросто. – Давайте пойдем главное – задача не из легких, как бы к этому ни относилась... молва, или начальство, или мы сами тут, внизу. – Он собрался, ребята немного притихли. Даже Микрал, который стоял рядом с загребным летающей лодки, на которой Ким с Пестелем приволокли, наконец, акваланги, здоровенный п'ток по имени Черак, поднял свои уши, чтобы не пропустить ни одного начальственного слова.

– Нам нужно обшарить практически весь этот склон Олимпа, причем, возможно, искать придется тщательно, не исключено, что не столько летать, сколько ползать над самой поверхностью.

– Что ищем? – спросил Ким.

– Не знаю. Что-то, что сразу должно броситься в глаза.

Ростик посмотрел на склоны Олимпа, покатыми волнами уходящие вверх, в серое Полдненное небо. Но уже через несколько десятков метров недоступные, потому что в Полдневье слой воздуха, которым можно было дышать, составлял над разными участками от четырехсот до пятисот метров. А они сейчас находились на высоте прилично за триста метров, может быть, даже приближались к четырестам. Дышать тут уже было нелегко.

За те два дня, которые Ростик, Лада и Микрал провели у подножия Олимпа, изучая его склоны в бинокль, они немного привыкли к этой разреженности, уже меньше кружилась голова, меньше шумело в ушах, но все равно ощущение удушья не проходило, особенно во время сна. Лучшее из всех недостатков воздуха переносила Лада, привыкла, наверное, летая в поднебесье. Хуже всего приходилось Микралу, ему, вероятно, требовалось много кислорода для его большого и мускулистого тела.

– Вы сколько аппаратов привезли?

– Три, зато баллонов – четыре. И еще, конечно, как и обещано было, сумели выпросить у Поликарпа компрессор, чтобы набивать баллоны воздухом.

– Тогда так. Летать будем со сменными пилотами, на это отряжаю Кима и Ладу. Я буду ходить вторым номером, все-таки когда-то я умел искать то, чего никто прежде не видел. И даже находил кое-что. – Ким снова улыбнулся, отчего его корейские глаза стали уже, чем обычно. – Загребному придется давать два баллона, у него будет самая трудная работенка. Если они не сумеют тут справиться, придется их тоже сменять... – Рост задумался. – А впрочем, как я слышал, строение челюстей у бакумуров другое, чем у нас, для них наши загубники не подходят.

– Ничего страшного, – высказался Пестель. – Будет слегка подтравливать, но два баллона справятся.

– Все равно, объясните своим ребятам, чтобы они, если им станет нехорошо, стучали чем-нибудь в котел, мы услышим и поможем. Да и проверять давление в их аппаратах придется каждые минут десять, не реже.

– Чего ты так? – спросила Лада.

– Если мы грохнемся там, на Олимпе, вытаскивать нас будет некому. Дыхалок для второй, спасательной экспедиции у нас не имеется.

– С десятков минут можно работать на разреженном воздухе, – высказался Ким.

– А ты найдешь нас за десять минут, если мы серьезно разобьемся? – спросил в упор Пестель.

– Нужно маршруты полетов оговаривать, – предложила Лада.

– В том-то и дело, что оговаривать их не удастся. Заранее можно будет только начало обследований определить, – объяснил Ростик, – а потом... Как поведет чутье.

– Понятно. Только тогда, Рост, ты уж сам моему Черaku все это объясни, а то я поихнему не очень, хуже, чем он по-русски. – Ким озорно блеснул зубами. – Могу, конечно, по-корейски, но что-то мне подсказывает, это не поможет.

Загребного, который прилетел с Кимом и Пестелем, Ростик неожиданно вспомнил, он был с ними в походе, и его, кажется, очень рекомендовал Манауш, когда пилотов и загребных стало недоставать. Вернее, конечно, не хватало людей, они выматывались раньше, чем было нужно. Вот и привлекли к полетам пурпурных с малознакомыми волосатиками, к счастью, каких-либо эксцессов это не повлекло.

– Ким, а как этот Черак к тебе попал?

– Стали тренировать экипажи для крейсеров, чтобы воевать с пауками на южном берегу, и он мне так понравился, что... использовал, так сказать, служебные полномочия и ответственное положение командира летного отряда, – он снова улыбнулся. – Толковый парень, только русский учить не хочет, больше по-пурпурному балаболит.

– Как так? – не понял Ростик.

– Ну, за последние пару недель, что ты оставил корабль на юге, в Город много народу перетасили. Даже Василису твою, чтобы она пурпурным и волосатым переводила, что нужно.

– Она теперь на аэродроме? – спросил Ростик.

Лада вытянула шею, чтобы получше слышать. А Ростик тут же подумал, только не о Василисе и не о реакции Лады, а о том, что это объясняет, как в Боловск вернулась Баяпошка.

– У нас, – ничего не заметил Ким. – Девушка – загляденье. Говорит, что с тобой работала... Не понимаю, как ты такую красавицу упустил?

– Он не упустил, – буркнула Лада.

Ким вперился в нее, потом широко ухмыльнулся.

– Понятно... Я не знал, виноват. – Помедлил, снова оглянулся на Ладу. – Она, кстати сказать, больше всех рапортов подает, чтобы снова к тебе перевестись. Но без нее нам будет почти невозможно как-то объясняться, вот я и не разрешил.

– Правильно, – отрезала Лада. – И больше ничего не желаю слышать об аэродроме и летном отряде Боловска.

А ведь она, наверное, знала это, решил про себя Ростик, когда машину приводила в порядок, не могла не узнать... Но ведь ни словом не обмолвилась, когда вечерами приходила усталая на Октябрьскую.

А в походе бывало, купались с Василисой в одной ванной, вспомнил Ростик. Теперь же... Что-то девицы не слишком долго дружат, если у них не складывается на личном фронте. Или наоборот, дружат, если только оказываются в одинаковом положении.

– Сколько можно продержаться на баллонах? – спросил Рост.

– До часу. Но при желании можно их немного экономить, и тогда получится час с небольшим.

– Вот это «небольшое» придется тратить на возвращение, – пояснил Ким, тем самым поддержав мнение Пестеля. – Или даже спускаться оттуда, – он впервые за весь разговор посмотрел на Олимп, оценивая его, даже глаза сузил, чтобы снег на его вершине не слепил, – чуть раньше, чтобы до лагеря добираться без помех.

Примерно так Ростик и рассчитывал, когда обдумывал эту операцию.

– А сколько времени потребуется, чтобы накачать четыре баллона?

– Думаю, часа три-четыре, – снова высказался Пестель, видимо, он лучше знал эти аппараты. – Компрессор ручной, не очень производительный.

– Что же получается, – Ким рассудительно наклонил голову набок, рассчитывая, – всего три ходки в день будем успевать? Маловато, эдак мы тут на неделю застрянем... Если Рост, конечно, все сразу не определит.

– Все-таки что мы ищем? – спросила Лада. – Рост, у тебя хоть гипотезы какие-нибудь есть, что к нам прибилося?

– Скорее всего, – Ростик постарался выбирать слова, – это зерно, которое мне дал в свое время Нуакола. Может быть, даже не само, но нечто, что с ним связано, что могло из него вырасти. Я в этом почти уверен... Потому что больше тут нечему быть.

– Стоп, ты приволок эту штуку лет пять назад и писал в своей книжке, что она – железная.

– Металлическая, – поправил Пестеля Ким.

– К тому же, я думаю, что всякие исчезновения металла в Боловске совсем не обязательно увязаны с зерном, которое тебе подарили в металлолабиринте, – высказалась и Лада. – Вот скажи, почему ты решил, что искать нужно тут?

– Не знаю, – не объяснять же им, подумал Ростик, как на меня с Олимпа кто-то смотрит. Пожалуй, в психушку определят, если у нас имеется что-то подходящее.

– Если это то самое зерно, как ты написал, тогда все просто, – Ким слегка просиял, – ты определишь место, где его выложил тогда, мы туда отправимся...

– Я не могу отыскать это место через пять лет, – терпеливо пояснил Ростик. – К тому же, если зерно дотянулось до Боловска, и как сказывают некоторые, даже до Одессы, которая

более чем в полутысячи километров отсюда, тогда... Бесплезно искать именно то место, где я его... выложил, как ты выражаешься. Оно уже оттуда переехало куда-нибудь еще.

– Как это – «переехало»?

– Откуда же я знаю? Оно способно высасывать металл из бетонных разваленных коробок, оно ворует его с площадок складирования на Вагоноремонтном, оно растворило динамомашину на Алюминиевом, каким-то образом пожирает корабли у Одесского берега... Это самое зернышко, если это оно, что еще не доказано, не привязано к одному месту. – Рост, как и Ким перед этим, посмотрел на Олимп, хотя все глаза уже проглядел, изучая его покатоности. – И обладает самыми невообразимыми свойствами.

– Ты вот что скажи, – Ким, кажется, впервые после встречи посерьезнел, – оно – враг?

– Вот этого я бы не сказал, – решительно отозвался Ростик. – Оно... Как бы это выразить?... Оно – скорее союзник, но такой, у которого есть своя воля, свои задачи и своя манера поведения. То есть метод решения этих самых собственных задач. – Он хлопнул в ладоши, словно ставил точку после всех разговоров. – Хватит, давайте приниматься за дело.

– А мы готовы, – улыбнулся Ким. – Баллоны заполнены, машина на ходу. Кто первым полетит?

Вылетели втроем – Ким, Рост и Черак. Поднимались медленно, Черак крутил котел довольно скверно, часто пропускал лунки, куда полагалось бы вкладывать топливные таблетки, это Ким сообщил Росту, на миг оторвав загубник от своей пасти. Как он это чувствовал, оставалось для Ростика загадкой, он бы не то что пропущенные лунки на экваторе котла, он бы даже неработающий блин антиграва не почувствовал – не та у него была техника полетов.

Но с Чераком скоро наладилось, видимо, он отрегулировал поступление воздуха в свои легкие, в общем, как-то приоровился, и тогда тяга сразу возросла. Рост снова, как обычно тут на высоте, в разреженном воздухе, почувствовал покалывание в висках и ушах, сморгнул, возвращая требуемую зоркость глазам, и...

И тогда понял, что нужно не смотреть по сторонам, а сосредоточиться. И как это было на Вагосе, найти наиболее горячий, или светящийся перед внутренним взором, кусок территории, которая расстилалась под ними. Он так и сделал. Ким что-то прорычал при этом, но звучало это не страшно, разреженность была такой, что его голос показался слабым.

Сознание Ростика поплыло, отвлекаясь от этого мира, смещаясь в то состояние, когда он лучше представлял себе мир мысленно, чем видел его, со всеми этими камнями под лодкой, складками Олимпа, заглаженными снегом, хотя и снега тут было уже немного, вернее, он лежал слишком тонким слоем, напоминая скорее ледовую чешую, чем полновесный ледник... Впрочем, лед все равно здорово прятал под собой то, что Ростик пытался найти.

Он уже давно заметил, что вода, пусть и замороженная, очень серьезная преграда для его ментального зрения, она обладала слишком большой емкостью, как электрический конденсатор, поглощала практически любое внимание, как бы его ни удавалось собрать в пук. И требовалось приложить массу усилий, чтобы пробить ее... Вернее, лед в данном случае.

То место, где Ростик приблизительно сбросил зерно Нуаколы, он, кажется, определил. Располагалось оно от их нынешней стоянки чуть не в пятидесяти километрах восточнее, до него лететь было бы лучше, обходя склоны ниже, так, чтобы не использовать акваланги прежде времени, поэтому исследовать эту точку Рост решил позже. Теперь же дышать из баллонов они начали сразу. Как бы там ни было, а следовало испробовать эту технологию, определить ее пригодность, выявить ее необходимость и, разумеется, найти слабые стороны. То, что эта технология могла оказаться ненадежной, не давало Росту покоя.

Ким оторвал от лица загубник.

– Ты же почти не смотришь вниз.

– Знаю, – Рост даже не открыл глаза.

– Тогда чего мы высматриваем?

– Чуть правее, то есть западнее и, если можно, повыше, – попросил Ростик.

Ким больше ничего говорить не стал, кажется, сделал так, как его просили.

Наверное, мы поднялись уже метров на семьсот, решил Ростик. И снова попробовал просканировать как можно более широкий участок под ними и немного впереди, потому что до настоящих возвышенностей Олимпа было еще недалеко.

А ведь мы за один час, если будем ходить с такой скоростью, до верхушки не доберемся, подумал он. Или доберемся? Если попросить поднажать... Нет, тогда я не смогу правильно оценивать местность.

Да, лед мешал гораздо больше, чем хотелось бы. Но все-таки, решил Ростик, на этих склонах ничего не выросло. Нет тут никаких новообразований. В принципе, можно возвращаться.

– Ким, идем назад, но попытайся спускаться другим маршрутом, чтобы я...

– Мог бы этого не говорить, командир ты... лапотный.

– А вот этого мог бы не добавлять ты, – хмыкнул Ростик. – Сам знаю.

Антиграв плавно развернулся, земля поплыла немного вниз и вбок. И без того эти склоны, висящие перед ними, как стены, сбивали ориентировку по горизонту, а еще Ким, оказывается, научился летать с виражами, почти как самолет, когда одно крыло выше другого. Прежде он летал, словно воду в блюдце возил.

– Ты чего так?

– Я думал, тебе понравится. – Через пару глотков воздуха из мундштука: – Это новая техника, ее нам пурпурные недавно показали.

Ростик сходил назад, к Чераку, тот чувствовал себя неплохо. Утомления видно не было, он даже показал большой палец, как делали люди, когда объясняли, что все в порядке. Рост проверил давление в его баллонах. Воздуха волосатик расходовал куда больше, чем люди, но для полета назад его должно было хватить. Рост вернулся в кресло второго пилота.

– Черак, кажется, кайфует, сделал подачу воздуха больше, чем следовало бы.

– Ему нужно, – отозвался Ким.

Все равно, подумал Ростик, стоит выяснить у Пестеля, биолога нашего, гипервентиляция – это позволительно или все-таки нет?

Когда добрались до временного лагеря под Олимпом, который они организовывали с Ладой, она тут же приставила Микрала крутить ручку компрессора, а сама стала выяснять с Кимом подробности полетной техники над Олимпом. Тот пустился объяснять что-то специфическое, подбрасывая веточки в костер. Но Ростик его не слушал, у него по-прежнему кружилась голова, и он знал, что если быстро не найдет то, что они тут искали, будет худо. Потому что долго он не продержится. Это место выматывало его куда быстрее и основательнее, чем это происходило на равнинах Вагоса, чем над лесами дваров, быстрее даже, чем в междулесье.

А подменять-то, подумалось ему, придется не пилотов и загребных, а меня... И с этой идеей, так и не успев ее оценить, он неожиданно уснул. Хотя ему казалось, что он слышит все, что Ким рекомендовал Ладе.

Глава 3

Как Ростик ни старался, а три вылета в день оказались для него чрезмерной нагрузкой. Он даже ругать себя пытался, но не помогло. Два раза – один до обеда и еще разок – после, и на этом все. Пространство перед ним казалось даже не враждебным, а каким-то непробиваемым, вот он, пытаясь преодолеть эту преграду, и истощался.

На четвертый день, вернувшись с Ладой из полета, он выслушал нелестный комментарий Пестеля, который тоже попытался его прищипорить. Но тут уж за него заступилась Лада. А потом, когда обсуждение несколько стихло, неожиданно включился Ким. И он-то высказал совершенно парадоксальную идею:

– Вы не понимаете, ребята. Он не просто так... телепатит. Он что-то изучает, что, кажется, оказалось ему... В общем, никто, даже аймихо, этого с ходу не поймут.

– Их тоже следует подключить, – буркнул Пестель. – Тогда быстрее получится.

– Они все как один отказались, – напомнил Ким.

– Вообще-то, их можно было бы и подстегнуть, – высказалась Лада. Она всегда очень хорошо реагировала в тех случаях, когда Рост приходил в состояние, близкое к полному безволию, когда впадал в черную меланхолию, или депрессию, как называла это мама.

– Но ведь невозможно допустить, чтобы ценное исследование зависело от... настроений одного человека.

– Не от настроений, как ты изволил выразиться, – Ким сделался велеречивым, – а от его возможностей. Ты что же, в самом деле считаешь, что он – волынит?

– Я просто не знаю, как это квалифицировать, – признался, наконец, Пестель.

– Хватит, – приказал Ростик, – взялись помогать, значит, помогайте, а не деритесь. Не то, к чертовой матери, всех отошлю в город... И выступайте перед начальством, как хотите. Сам разберусь, с Ладой.

– Вот это да, – восхитился Ким, хотел что-то добавить, но смолчал.

На следующий день, чуть притихших и немного более исполнительных загребных Рост заставил передохнуть. Не потому, что хотел сам восстановиться, и не для того, чтобы подчеркнуть собственное исключительно командное положение, просто вдруг понял – он что-то знает. И пришла пора, когда следовало предоставить возможность этому выдвинуться в участок мозга, где его можно было рассмотреть подробно. Он просто давал всплыть этим мыслям и знаниям в контролируемую, внятную часть сознания.

Трюк оказался удачным. День отдыха, хотя никто, кроме Ростика, в нем и не нуждался, прошел достаточно спокойно. Даже обычные споры велись умиротворенно, никто не хотел обострять отношений. А через ночь Ростик...

– Значит, так, полетим все вместе, снимаемся, по сути, с этого лагеря, и переходим в новый, из которого будет ближе...

– К чему? – поинтересовался Пестель.

– Думаю, еще до вечера сам увидишь.

Почему Ростик вдруг сделался таким уверенным, он и сам не знал, но такое с ним уже бывало, и он привык этому чувству доверять, может быть, потому что оно редко подводило.

К тому же он, кажется, понял, какую совершал ошибку. Он смотрел... не так, как полагалось. Он попытался объяснить это Ладе, когда они вылетели в первый, дообеденный полет.

– Понимаешь, я разглядывал что-то, что скрыто, кажется, всей тушей Олимпа. Слишком глубоко, слишком обще... И надрывался, определяя детали. Так нельзя, нужно найти главное... Опять не то, нужно отыскать внешние проявления того, что мы способны определить.

– Не понимаю, – мотнула головой Лада.

Дальнейшие разговоры стали затруднительными из-за дыхательных трубок. Ростик на этот раз довольно уверенно показал направление, и оно выходило сложным. Их путь наверх проходил, казалось, как обычная наземная дорога, по расселинам, через невысокие, но острые ребра, которые образовались с восточной стороны горы, примерно из того каньона, который переходил в Перевальский проход через Олимпийский хребет.

– Выше? – спросила Лада, когда они забрались уже, кажется, метров на восемьсот или даже больше.

Рост кивнул. Он не хотел тратить дыхание и свою сосредоточенность на слова. Он ждал, что вот-вот... И наконец это открылось.

Это была довольно большая, в несколько километров, горная терраса, почти ровная, обращенная к солнцу чуть не всей своей плоскостью. И даже Лада сразу заметила, что под внешне невыразительным, как и все с этой стороны горы, ровным участком находится нечто неожиданное. Она пригляделась, потом повернула голову к Росту.

– Почему-то плато чернеется.

Рост снова кивнул и рукой показал, чтобы она снижалась. Но Лада и сама шла очень низко, от непонимания она скроила странную физиономию. Ростик вынужден был вытащить загубник.

– Садись, но будь готова удирать.

Лада послушно задвигала педалями, уменьшая тягу на антигравитационных блинах, потом дернула рычагами, и они, спустившись совсем низко, повисев на одном месте, нежно, – как обычно Лада не садилась никогда, – приземлились. Рост быстро, потому что времени было мало, вскочил, пробежался до люка, выполз из машины, когда волны антигравитации еще обжигали ноги даже через плотную ткань и кирзовые сапоги с тонкой байковой подкладкой для тепла.

Он отошел от машины шагов на сорок, остановился, подышал, чтобы вернуть себе утраченную от ходьбы сосредоточенность, и, когда понял, что сумеет разобраться, опустил голую руку на камни у ног... Но это были не камни. Это было что-то, что могло быть запекшимся от жара природным стеклом, почти гладким, если бы не общие неровности почвы. А нормальные камни, которым не повезло тут находиться, вплавились в эту поверхность, утонули, как в жидкости. И эта темная масса в разводах, даже припорошенная снежной крупой... Да, она была теплой.

Рост хотел было ощупать ее внимательнее, но Лада, вредная девчонка, дернула его за полу бушлата.

– Так-то ты выполняешь приказ приготовиться драпать? – спросил он ее, даже за эту короткую фразу три или четыре раза переводя дыхание. Но в целом он уже приноровился говорить, едва отодвинув мундштук от губ, перехватывая достаточно воздуха, чтобы легкие работали почти нормально.

– Ты стоишь тут уже четверть часа, – пояснила она. – Пора спускаться, не то воздуха не хватит.

Рост обалдело посмотрел на нее, потом вынужден был подчиниться. То, что он провел на этой темно-серой поверхности столько драгоценного времени, не укладывалось у него в сознании.

Но переспрашивать, мол, уверена ли Лада, что они тут подзадержались, было откровенной глупостью. Раз она это высказала, значит, так и есть. Виной всему было странное состояние Роста, которое не оставляло его на этих склонах.

Они спускались довольно резво, Лада развила предельную скорость, кажется, используя даже не столько отбрасываемые назад волны гравитации, сколько пробуя падать с этой высоты под воздействием естественного притяжения лежащей внизу поверхности, лишь уворачиваясь от слишком опасных камней. Дышать нормально все равно удалось лишь

после того, как воздух в Ростиковом баллоне стал ощутимо заканчиваться. Он слегка осовел от этого.

К его удивлению, Лада, даже занятая выше крыши своим скоростным спуском, поняла, что с ним происходит, и наставительно на полминуты всунула ему в пасть собственный мундштук, обслонявленный до невозможности и горячий от ее дыхания. Под водой этот трюк, подумал Ростик, выглядит более гигиенично.

Потом он решил, что сумел прийти в себя, и отправился посмотреть, каково приходится Микралу. Но его тревога оказалась напрасной, бакумур работал как проклятый на своем котле, крутил экватор так, что только руки мелькали, и не думал ни о какой недостатке воздуха. Убедившись, что давление в его аппарате еще вполне приемлемое, и догадавшись, что Микрал, пока Рост работал на серой площадке во всю прыть, отдыхал и экономил воздух, он вернулся в свое кресло, жестом показав Ладе, что все нормально.

Они вышли даже немного ниже Перевала, Лада попросту перемахнула необходимую высоту, чересчур озаботившись состоянием Ростика. Он ей, впрочем, ничего не сказал об этом, лишь попытался помочь, когда они снова стали подниматься с равнины в свой новый лагерь.

Пока Микрал, полный сил и вполне трудоспособный, набивал баллоны новой порцией воздуха, Рост попробовал пояснить ребятам то, что он открыл:

– Это какой-то аналог фотоэлементной ткани, которую пурпурные растягивают над своими кораблями, понимаете? – А вот дальше он задумался. – Она, безусловно, дает энергию, она даже способна вырабатывать массу энергии, но... Это какое-то сырье, что-то, что может поддержать зерно только вначале.

– А потом? Когда ему потребуется больше энергии? – спросил Ким. И чтобы быть понятным, добавил: – Ведь ты к этому ведешь?

– К этому, – согласился Ростик. – Откуда оно будет брать энергию впоследствии – не знаю. Даже гадать не хочу.

– Ну да, придет время – узнаем, – решил насмешничать Пестель. – Обычная твоя притяжка.

– Как же иначе? – искренне удивилась Лада. – Тут же столько всего непонятного, что только держись.

– И еще вот что, – продолжил Рост. – На имеющихся баллонах мы до верха Олимпа не доберемся. Не хватит нам этих вот самых – по баллону на нос пилота, и две штуки загребному.

– В Боловке больше баллонов нет, – мерно оповестил Пестель. – Придется, кажется, в Одессу слетать, но это – время. Может быть, неделя на это уйдет.

Рост посмотрел на гору, возвышающуюся над ними, пожевал губами, словно хотел что-то высказать, но замялся. Такая вот стеснительность на него неожиданно напала.

– А тебе обязательно туда подняться? – спросил Ким. – Это для дела?.. Не из спортивного азарта?

Рост только посмотрел на него, и тогда вдруг Пестель, старый дружище, почесал затылок, словно дед на завалинке, который в силу опыта знает что-то такое, чего никто другой не знает. Все с интересом посмотрели на него.

– Тогда так, – он снова почесался, растягивая момент. Было очевидно, что он извелся, без дела просиживая тут, под горой, все те дни, пока остальные работали. – На всякий случай я прихватил побольше шлангов, их-то у нас в городе полно осталось, еще с Земли. И проволоки...

– Да не тяни, – потребовал Ким.

– И даже один переходничок прихватил, чтобы лишний раз в Боловке не мотаться, если что-то не выйдет... Поэтому я предлагаю.

Конструкция, которую Пестель, в силу не шибко развитой технической грамотности, конечно, не сам придумал, а просто запомнил по его многолетним плаваниям с аквалангом в Одессе, когда он изучал донную живность, была довольно простой. В какой-то момент он стал чертить на песке и пояснять:

– Вот тут мы ставим тройник, и пилот с Ростом дышат из общих баллонов. Это дает нам почти полтора часа лету, если осторожно и бережливо относиться к воздуху.

– Все равно, накачать баллоны следует с избытком, мембраны дыхалок тут выдерживают, – вставил Ким не вовремя. Он, кажется, уже все понял, но Ростик все равно слушал внимательно.

– Загребным лучше взять Черака, он посмышленей, не напутает, будет дышать из одного баллона процентов шестьдесят воздуха, я позже рассчитаю давление, которое для этого потребуется, а потом переключится на новый баллон. И его ему, кажется, должно хватить до конца, когда вы сумеете спуститься и отдышаться уже тут, внизу.

– Понятно, – кивнула и Лада. Но Рост по-прежнему не очень-то понимал.

– А потом ты, – Пестель посмотрел на Ростика в упор, – отсоединяешь этот баллон от загребного, перетаскиваешь его в кабину, подсоединяешь, и... возможно, вам хватит, если спуститесь так же лихо, как уже научились это делать.

Рост, наконец, понял.

– И насколько это увеличит наши возможности?

– Думаю, если загребные используют эти два баллона, считая оба за двести процентов, и примерно половина второго у них остается... Да, это позволит нам увеличить время пребывания там, – Пестель кивнул в сторону горы, – минут на тридцать, если вы будете экономны и если накачать их, как было предложено, с небольшим запасом.

– Только бы они наверху не сломались, а то не успеем вернуться на этом остатке от загребного, – заметила Лада.

– Если такое случится, ты переходи на дыхание из своего аппарата и не обращай на меня внимание, – сурово сказал Ростик. – Без пилота мы сдохнем все, а с пилотом...

– Ерунда, – высказался Ким. – У кого аппарат останется целым, тот в таком случае и поведет. Ты тоже летать умеешь.

– Не так, как Лада сегодня. Она просто как на лыжах соскользнула, даже, кажется, использовала что-то от экраноплана, когда проходила пологие склоны. Молодец, – похвалил ее Рост.

– Это Ким придумал, не я, – твердо отозвалась девушка. – Он мне показал, как это делается, просто ты не замечал последнее время, что у нас творится, вот и это проворонил.

– Так вы уже давно... этот способ? – Рост посмотрел на Кима, тот кивнул.

Росту сразу стало очень неприятно, что он так плохо ориентируется в происходящем. Это надо же, не заметить новую технику возвращений, просто как чурка какой-то, а не командир.

– Ладно, хватит переживать, – Ким хлопнул Ростика по плечу. – Ложись-ка отдыхать, у каждого своя забота. Пестель вот сделает нам эту систему и обозначит на манометрах положения стрелок, при которых следует перебрасывать баллоны, а я ему помогу.

– Лучше я, – заявила Лада, – тебе тоже следует отдохнуть. Ведь тебе же лететь с Ростом.

Через часок после обеда все было готово. Как ни странно, Пестель с Ладой возились с новой конструкцией всего-то ничего, а успели. И на манометрах теперь прямо на стекле была прорисована жирная, какая-то липкая черта. Баллоны были забиты, машина была облегчена до предела, и следовало отправляться в полет.

Ким вылетел в такой манере, что Росту стало ясно – парень решил показать класс. Черак тоже работал как полоумный, потому что все его действия были едва ли не отрепети-

рованы под присмотром Пестеля. Да и день стоял отличный, кажется, впервые за всю весну стало ясно, что лета не миновать. Даже тут, на высоте, где не весь лед стаял.

Рост, разглядывая проносящиеся чуть быстрее, чем обычно, склоны Олимпа под машиной, за стеклом с его правой стороны, почему-то подумал, что хотел бы умереть вот в такой свежий и ясный день. Если можно, сказал он кому-то про себя, лучше весной. Это веселее, чем осенью, например.

И лишь потом сообразил, что думать о смерти в такой ситуации не следует. Он больше и не пытался. Хотя все было очень просто – они вылетели, и через пару часов, а то и раньше, могли быть уже мертвы. Или кто-то один из них мог умереть... Хотя все-таки хотелось, чтобы вернулись все.

Глава 4

Кабинет Председателя, как обычно, выглядел официально-уютным. Ростик за свою жизнь видел не слишком много разных кабинетов, но этот вызывал у него доброе отношение. Он даже слегка отвлекался, чтобы проверить себя, и полагал, что не ошибается. Хотя с этой комнатой было много чего связано, и даже не слишком приятного.

Народ набрался тоже знакомый, с ними Рост ощущал себя гораздо лучше, чем с каким-нибудь собранием чиновников или просто аппаратчиков из Белого дома. Он оглядел все собрание разом, чтобы ничего не перепутать.

Перегуда стоял рядом с Поликарпом Грузиновым, и оба что-то усиленно внушали Пестелю. Тот злился немного, даже пятна какие-то у него появились на щеках, но говорили они не слишком громко. Лада сидела на стуле у стеночки, вполоборота к Киму, который хмурился и показывал ей руками и ногами какие-то сложные движения, как будто правил антигравитационной лодкой, иногда Лада ладошкой демонстрировала себе положение этой самой воображаемой лодочки в воздухе. Ким иногда сердился и поправлял ее ладонь, словно бы это была моделька машины, а не живая рука. Лада потряхивала головой, не понимая, кажется, она училась делать развороты с креном, не теряя скорости. Совсем в углу восседали Герундий с Астаховым, которые пытались понять, почему на слабенький лагерь исследователей под Олимпом не напали гиеномеды, которых, вообще-то, в тех краях было видимо-невидимо.

Рост подошел к Поликарпу, потому что тот постепенно стал злиться еще заметнее, чем Пестель.

– Так, – говорил Полик, – значит, вы просто натягивали шланг на ниппель и прикручивали его проволокой. Сколько было таких соединений?

– Ну, не считал, но, может, пять... Или больше. – Пестель уже пошел не пятнами, а изображал настоящий пожар.

– И несмотря на это, у вас ни одно из соединений не лопнуло, не соскочило?

– Как видишь, все живы-здоровы.

– Уму непостижимо.

– А что нам оставалось?

– Что? Ты меня спрашиваешь? Да вам повезло, олухам царя небесного... Вы же должны были с этой вашей ерундой там все и остаться!.. Была бы моя воля, я бы вам всем строгий выговор влепил за неоправданный риск, за глупость и за лихачество, вот.

– А вам!.. Вам тут, в кабинетах, легко строгачи лепить, а мы...

– Объясняю для тугодумов. Во-первых, следовало найти еще баллонов, – кажется, Поликарп до того разошелся, что уже не следил за правильностью речи, – не полениться и слетать в Одессу. Во-вторых, даже если бы эти баллоны и были, все равно следовало явиться ко мне на завод и оборудовать машину стационарной разводкой воздуха из большой и серьезной, а не этой вшивенькой системы, чтобы не рисковать, например, заклинившим вентилем или лопнувшей мембраной. В-третьих, дышать следовало бы не из подводных загубников, а по-пилотски – из маски, закрывающей полроти, и дышать тогда можно было бы всем воздухом из баллонов, а не травить его через рот и нос в пустоту... Не бороться легкими за каждый глоток, а просто – дышать!

– Мы думали об этом, – сказал Ростик спокойно, стоя за плечом у Пестеля, – но жалко было времени – лететь в Одессу, потом к тебе...

– Кстати, – продолжал яриться Пестель, не обратив внимания на Роста, – почему ты раньше не предложил свою эту... как ее, разводку, раз такой умный? Я ведь у тебя на заводе все эти причиндалы получал и с тобой разговаривал...

– Да кто же знал, что вы затеяли групповое самоубийство? Ты вот появился, сказал, что тебе нужно, и получил все со склада. А требовалось объяснить задачу, тогда бы я сразу тебе нарисовал, как и что, и своих слесарей подключил бы... Уж они не такие лопухи, как... – Грузинов все-таки взглянул на Ростика, – как некоторые.

– Брэк, – проговорил Ростик, – ребята, все обошлось... Никто не погиб.

– Ага, только вы, со своими доморощенными приспособами, себе бронхи, наверное, поморозили, недаром все, как один, перхаєте.

Это была правда. Рост, Ким, Лада и даже обычно непробиваемый Микрал довольно сильно кашляли и говорили какими-то не слишком привычными, простуженными голосами. К тому же, даже вернувшись в Боловск, они не могли надыхаться, Лада, по-крайней мере, жаловалась, что по ночам ей снится, что она задыхается под водой.

– Да, – Ростик кивнул, отчетливо меняя тему, – есть такой эффект. Кстати, объясни, чем это вызвано?

– Ну, газ, по закону Бойля-Мариотта, при расширении охлаждается, – буркнул Грузинов, уже оттаивая, – на этом основан принцип действия детандеров. Вот и вы, получая воздух из очень неважно работающей системы, вынуждены были вдыхать очень холодную струю, думаю, даже более холодную, чем зимний воздух. Как же тут не прихватить дышалку? Странно, что еще ни один из вас воспаление легких не заработал... Исследователи.

Так, объяснил, подумал Ростик, внезапно жалея, как всегда, что неважнецки отнесся в свое время к формальному образованию. Ведь мог бы, при желании, хотя бы книжки почитать... Или действительно времени на это не хватало? Так нет же, просидел в Храме несколько лет, мог бы, мог...

– Бакумуры с твоей маской на полморды не слишком-то и заработали бы, – вдруг высказалась Лада, оказывается, она с Кимом уже наговорила, и оба пилота прислушивались к спору. – У них на морде шерсти больше, чем у тебя когда-нибудь будет.

– Побрились бы, – все еще недобро отрезал Поликарп. – Или летали бы только с пурпурными гигантами, у них бороденки редкие.

– Ладно, – Рост даже ладонью рубанул, чтобы прекратить это препирательство, – хватит. Критику принимаем, на будущее учтем. А тебе, – он посмотрел на Поликарпа, – следующий раз не возбраняется выяснить, для чего мы у тебя просим оборудование, тогда и общую задачу, как ты выразился, будешь знать, а не просто так от нас отмахиваться.

– Кто отмахивается?.. – казалось, Поликарп мог спорить бесконечно.

– Правильно Гринев сказал, – оказалось, у двери, ведущей куда-то вбок, стоял Председатель. Он улыбался, но глаза у него оставались внимательно-напряженными. – И предлагаю на этом прекратить дебаты.

Он прошел за свой стол, все расселись по стеночкам, а не вокруг стола, поставленного к председательскому как длинная ножка у «Т». Дондик даже удивился:

– Вы чего так робко? Подсаживайтесь ближе.

Пришлось перебираться к столу, когда все разместились, Дондик кивнул Росту:

– Докладывай, Гринев.

– В общем, дело понятное. Те площади, которые чернеют под снегом, – Рост понимал, что прозвучало это не очень толково, но лучше сформулировать не мог, – лишь верхушка какой-то очень мощной конструкции, которая скрыта теперь внутри Олимпа. Доказательства, как я и предполагал, мы обнаружили почти на самой вершине. – Он оглянулся на Кима и Ладу, те в унисон кивнули, поддерживая его. – Там мы обнаружили закруженные... но и весьма здоровые, искусственные скалы.

– Какого размера? – спросил Поликарп.

– Мы не высаживались, смотрели издалека, воздуха было уже не слишком много... Но кажется, метров по пятнадцать-двадцать в длину и по пять-семь в поперечнике. В целом они похожи на гладкие валуны, даже низом притоплены в грунт, как у валунов бывает.

– Гладкие? – спросил Перегуда. Кажется, он впервые задавал вопрос.

– Да, и мне показалось, они уже из другого материала, чем площадка, обращенная к солнышку. И они не просто там стоят, а... Да, они выращены, как и наплавлена эта самая площадка. Кстати, полагаю, что площадка там не одна, а несколько, но их количество, разброс и конкретное местонахождение, разумеется, мы определить не сумели, впрочем, думаю, ключом к их поиску должны стать плоские участки Олимпа, обращенные к солнцу. По поводу «валунов» думаю, это что-то вроде антенн, но для чего они – непонятно. Возможно, с их помощью наше зерно, которое я выложил совсем в другом месте, пытается связаться с металлолабиринтом Нуаколой.

– Само-то зерно на месте?... – спросил Герундий, подумал, замахал рукой. – Извини, не допер сразу, вопрос снимается.

– Оно превратилось в огромное металлическое растение... – пробормотал Перегуда и покачал головой. – Чего только не бывает на свете?

– Собственный металлолабиринт... – в тон ему высказался и Председатель. – М-да, задачка. А он не враждебен, как тебе показалось?

– Сложно сказать. Эти антенны... Или, вернее, органы чувств, если так можно выразиться, наводят на разные мысли, но главное – не в них, а в том, что это... «растение» продолжает развиваться в горе и выстраивает себя, делается больше и совершенней. По-моему, как-то слишком быстро оно развивается. Нуакола, когда я был там, – Рост неопределенно пояснил это «там» жестом, Дондик кивнул, понимая, – настаивал, что развитие взрослой особи металлолабиринта происходит за тысячи лет. А у нас тут прошло всего-то...

– Пять лет, если быть точным, – вставил Перегуда.

– Да, пять, и вот мы уже имеем – похищенный металл, какие-то новообразования на Олимпе и на Алюминиевом заводе... Думаю тем не менее, что он не пытается враждовать с нами. Потому что живой, так сказать, металл, тот, который люди используют, который нам нужен, он не трогает. Поглощает только то, что, по его мнению, люди выбросили.

– Не забудь, на Олимпе найдены только алюмосодержащие глины. Даже за счет нашего железа... Ты писал в книжке, что Нуакола состоял из самых разных элементов. – Поликарп говорил скрипуче и тягуче. Во всей его не слишком складной фигуре читалось недоверие тому, что сообщал Ростик. – Ты что же, думаешь, он способен переводить алюминий в другие металлы, веришь в трансмутацию элементов?

– Я верю в то, что вижу. И что мне приходится додумывать... Ну, не знаю почему, может, потому, что другого объяснения не способен вообразить. А трансмутация металлов, когда имеешь под боком такое, как вот это... чудище на Олимпе, не самая большая неожиданность.

– А что, по-твоему, самая большая? – спросил Перегуда.

– Это мы скоро узнаем, – твердо отозвался Ростик. И решил, что доклад с его стороны завершен. Все, чего он не договорил, пусть читают в его записке, которую он составил еще в лагере, перед возвращением в Боловск.

– Гринева, – спросил Герундий, – это не может быть каким-нибудь новым нашествием?

– Нуакола нуждался в вырчохах, наверное, наш металлолабиринт потребует, чтобы люди с ним работали. Полагаю, если мы не напортачим, у нас сложатся скорее союзнические, нежели враждебные отношения.

– Полагаешь или уверен? – снова спросил Герундий. И, не дождавшись ответа, тут же повернулся к Дондику. – Кузьмич, я со своей стороны настаиваю на участии кого-нибудь из моих людей в этом расследовании.

– Исследовании, – поправил его Перегуда вполголоса.

Ростик вспомнил, что Герундий возглавляет, так сказать, Боловскую милицию, гарнизон и все охранные службы Города. Он был защитой, прокуратурой и даже немножко надзирателем всей человеческой цивилизации в этом районе. Пожалуй, только самые периферийные поселения людей, такие, как Одесса, Бумажный холм и торфоразработки, ему напрямую не подчинялись. Но при желании он мог, без сомнения, вмешиваться и в тамошний уклад жизни, только, как неглупый человек, не злоупотреблял этим.

– А что, если?.. – в глазах Поликарпа появился какой-то не слишком здоровый блеск. – Если устроить взрыв поблизости от этого... Олимпа с его железным чудищем, и по сейсмографам определить размеры, плотность... Ну, как это делают геологи на Земле. Кажется, в институте есть необходимое оборудование, мы бы многое о нем поняли.

– Зачем? – не понял Ростик. – Если хочешь, я и так тебе нарисую Олимп в разрезе и выдам глубину залегания этих... металосетей. А тревожить его – неразумно, он может про нас что-нибудь не слишком хорошее вообразить.

– Ты про него говоришь, словно он – разумный, – высказался Пестель.

– Нуакола был в высшей степени разумным. Даже больше, он был... мудрым.

– Не нравится мне это, – проворчал Герундий, не получив ясного ответа от Председателя. – В своем доме мы уже как бы не хозяйева.

– Хозяева по-прежнему, – неожиданно отозвалась Лада. – Ростик... То есть, виновата, майор Гринев сказал же, что у нас добрые отношения.

– Но доказательств этому нет, милая девушка, – Грузинов даже изобразил фальшивую улыбку.

– Поликарп, если ты не раз и не десять, как Лада, окажешься под вражеским огнем, не дрогнув, перехоронишь столько погибших друзей, сколько ей довелось, я, может быть, и разрешу тебе обращаться к ней словами «милая девушка», – четко выделяя каждый слог, проговорил Ким очень серьезно. – Но не раньше, усвоил?

«Так, начинается обычная свара, – подумал Рост, – между офицерами, вояками, служивыми и управленческо-административной верхушкой города. И что это за беда такая, национальный спорт, что ли?»

Он не любил этого, всегда стремился этого избежать, но и Ким в данном случае, безусловно, был прав.

– Я спросил, кажется, усвоил ли ты мои слова? – переспросил Ким. Грузинов не отвечал, без сомнения, он считал, что пилоты зря волнуются, а может, втихаря презирал их за вот это, по его мнению, высокомерие. – Неплохо бы извиниться, – уже вполне буднично добавил Ким.

Начальники, решил Ростик, определенно не понимают, что воевать – сложно. И требуют... Этот много чего требует, но когда очень уж тяжело, когда действительно нет другого выхода, кроме как стоять и держаться, возможно, вот эта самая гордость, которую чиновники и даже, как выяснилось, инженеры не понимают, не способны понять, и только она – не позволяет отступить. Больше ничего, только гордость...

– Гринев, – Председатель, наконец, решил разрядить ситуацию, – я не обнаружил в твоём докладе никакого конструктива.

– Да, неплохо бы выслушать конкретное предложение, – поддержал его Перегуда, кажется, похлопав под столом Грузинова по коленке, чтобы тот не заводился.

– Его нет, – пожал плечами Ростик. – Пусть все идет как идет.

– И больше ничего? – для верности спросил Перегуда.

Неожиданно дверь в кабинет тихонько раскрылась. Не сильно, как раз настолько, чтобы пропустить... Ромку. Он был какой-то очень усталый и грязный, видимо, несся на

мотоцикле от Алюминиевого, спешил и даже не заехал домой, на Октябрьскую, чтобы привести себя в порядок.

Он постоял, помялся, не зная, как обратить на себя внимание. Но именно то, что он появился, и конечно, напряженность, возникшая чуть раньше, заставили всех повернуться к нему. Дондик чуть удивленно поднял брови.

– Такое дело... – не слишком внятно проговорил Ромка, – у нас на Алюминиевом та штука, которая выросла в подвале... Она треснула, как яйцо, из которого должно что-то появиться.

– Как это? – не понял Перегуда. – Говори толком.

– Это надо видеть, рассказать сложно.

А ведь он не спал, наверное, уже несколько дней, и еще нескоро, может быть, сумеет выспаться, с неожиданной нежностью подумал Ростик, разглядывая сына.

– Что оттуда, из этого яйца, должно появиться? – Герундий был строг и напряжен.

– Рассмотреть еще сложно, – ответил Ромка. – Вот я, собственно, и приехал, чтобы кто-нибудь это выяснил.

– Там же, пожалуй, душ двадцать аймихо находятся, – высказался Пестель. – Неужели они не поняли?

– Они говорят... В общем, отца требуют, – Ромка даже указал на Роста, чтобы ненароком все присутствующее начальство не перепутало, кого он имеет в виду.

Если бы не перепалка между Кимом и Грузиновым, подумал Ростик, досталось бы Ромке на орехи за такой доклад. А так сейчас никто не хочет снова обострять... Вот он и выкрутился.

Дондик подтвердил это его предположение, усмехнувшись:

– Майор Гринев, это то, чего ты ожидал?

– Не уверен, – четко произнес Ростик, – еще много чего будет, по-моему... Но для начала – да, пожалуй, это то, чего можно было ожидать.

– Отправляйся сейчас же на Алюминиевый, – решил Дондик, отодвигаясь от стола, показывая этим, что совещание закончено, – разужнай, что там и как, и, пожалуйста, не забудь мнение Германа Владимировича, – он мотнул головой в сторону Герундия.

– Есть. Не забуду, – ответил Ростик.

А что ему еще оставалось?

Глава 5

Сумрачный подвал, который так не показался Ростикку в прошлый раз, сейчас выглядел почти цивилизованно. Он был довольно ярко освещен какими-то зеркалами, которые образовывали сложную ломаную линию от большого зеркала, выставленного под солнце. Пол из литого камня был почти дочиستا вымыт и выметен, так что при желании на нем можно было бы танцевать. Даже стены были промыты до высоты, до которой хватало поднятых рук бакумуров.

Рост слегка недоверчиво покосился на Сонечку, которая тут всем заправляла, и хмыкнул. Такая девчоночья тяга к чистоте его немного умилила. Примерно то же самое мнение обуревало и Кима, который не очень громко, но отчетливо буркнул:

– Сонь, ты бы еще сюда вязаные коврики постелила и картинки из журналов по стенам расклеила.

Соня немного недоверчиво воззрилась на Кима, потом так же негромко ответила:

– Ты не понимаешь, парень.

– Чего я не понимаю?

Не ответив и гордо тряхнув хвостом, в которой были собраны ее волосы, Сонечка повернулась к тому новообразованию, которое они вместе с начальством рассматривали прошлый раз.

– Все-таки хотелось бы понять, что это такое? – предложил поделиться мнениями Пестель. Он стоял чуть поодаль, его голос прозвучал очень звонко и с эхом.

– Я, – Сонечка помялась, но положение хозяйки взяло вверх, она еще раз мельком окинула Ростика взглядом, как бы проверяя, позволено ли ей будет говорить в его присутствии, потому что именно он обычно разбирался в сложных ситуациях лучше всех, и выдохнула: – Мы решили, что это... как бы яйцо, из которого нечто вылупляется.

– Вот как? – не слишком определенно отозвалась Лада, но с явной поддержкой Сонечке.

– Эта штука ломается, как яйцо, – продолжила Сонечка. – Вот трещина, вот и вот.

Трещины действительно разбили «скорлупу» огромного овала, но что из него могло вылупиться нечто, в принципе требовало доказательств.

– Не слишком ли оно, то есть яйцо, – снова продемонстрировал скептицизм Пестель, – великовато для яйца? Это какого же размера должно быть?..

И он, вдруг вытащив из кармана небольшой блокнот и огрызок карандаша, принялся что-то вычислять. Рост покосился на него с неодобрением. Бумага и карандаши были редкостью теперь в Боловске, их следовало бы экономить, проделать простые умножения-вычисления можно было бы и на песке палочкой, в крайнем случае – пальцем. Правда, усилиями бакумурской части местного гарнизона песка или пыли тут теперь не наблюдалось.

– Понятно, – кивнула Лада. – Ты попросту устроила тут родильное отделение.

Такого определения, хотя оно было необыкновенно точным, Сонечка не ожидала и отвернулась теперь уже от всех. Кажется, несмотря на возраст, опыт и солидное положение даже в боловской иерархии, она побаивалась, что над ней будут смеяться. Какая-то она слишком чувствительная сделалась, решил Ростик.

Впрочем, замечать всякие такие вот нюансы было сейчас не время. Это у него получалось автоматически, а думать все-таки следовало о другом. О том, что должно было из этого... яйца получиться.

– Я против того, чтобы эту штуку считать яйцом, – сказал он неожиданно для всех, Лада даже слегка дрогнула.

– Почему? – спросил Пестель и шагнул поближе.

– Яйцо, или зерно, или что-то подобное всегда имеет достаточно возможностей для саморазвития. Уж не знаю, как это у них происходит, но их можно переносить, к тому же им необходима благоприятная среда и все такое. А это... – Он повертел пальцами в воздухе, пробуя найти подходящее слово. – Это скорее следует назвать автоклавом, так кажется, в биологии всякие пробирки для гомункулов называются?

– Называются, – подтвердил Пестель. – Только что же это за гомункулус, если принять во внимание объем автоклава? У меня получилось, что оно... То, что оттуда выползет, если выползет, может весить тонн семь, и рост у него будет... соответствующий, если принять, что оно будет смахивать на человека.

– Может, вызвать сюда стрелков? – спросила Лада.

– Нет, – резковато отозвалась Сонечка. – Мне кажется, ничего лишнего тут быть не должно.

– А когда оно, собственно, собирается вылезти? – зевнул Ким. – Ждать – дело неплохое, но слишком долго тут болтаться – глупо.

– Я не знаю точно, – зачастил вдруг Ромка, явственно опасаясь, что его прервут и не дадут договорить, – но мы вглядывались в это... яйцо, или в автоклав, если снизу через пол действительно подведены всякие питающие трубки... – Он сбился, слегка покраснел, но это же позволило ему и мобилизоваться. Он даже головой чуть дернул. Рост узнал этот жест, он и сам так делал, когда волновался. – И вот что нам показалось, его рождение... или вылупление, можно стимулировать.

– Во-первых, кому это – нам? – спросил Ким.

И откуда-то сбоку, из-за угла, совершенно не освещенного солнечными отражателями, вдруг выступил Витек Кошеваров, сын Раи Кошеваровой и, буквально с пеленок, Ромкин друг. За ним еще более неясно проявилась фигура Ефрема, сына Сонечки от ее первого мужа – Бойца, которого Рост никогда не мог забыть. Поднапрягшись, Ростик почему-то вспомнил, что Сонечка, да и многие другие, величали его детским прозвищем – Фрема. Или Фремом, но сейчас это было неважно.

– И мне, – на всякий случай добавила Сонечка. Вероятно, чтобы поддержать этих вот пацанов.

– А во-вторых, – продолжил Ким, – поясни, пожалуйста, как это – стимулировать?

– Нужно ему показать, что мы рады будем, если он появится, – тихо отозвался Ромка.

– Ты что же, считаешь, что оно, как Рост говорит, нас читает? – спросила Лада.

М-да, решил Ростик, с лидерскими повадками у Ромки пока не слишком. Может, он этому и не научится. Тогда, пожалуй, ему один путь – в университет, а не в офицеры. Без ясно обозначенного волевого фактора хороших командиров не бывает.

– Рост, – позвал Пестель, – ты что-нибудь понял?

– Пробую, – со вздохом признался Ростик, подошел к автоклаву чуть ближе. Оглянулся. – Сонечка, мне говорили, что тут чуть не половина старцев аймихо собрались, а мы еще ни одного не видели.

– Они наверху, позвать?

– Не надо, если сами не хотят в этом участвовать, значит, у них есть на то причины.

Аймихо были сложным народом, могли помогать и издали, если вообще согласны помогать.

Рост попробовал расслабиться, потом нашел свои мысли чересчур сумбурными и отвлеченными от дела, за которое ему полагалось бы взяться. Сесть нужно, подумал он, будет легче, но стоит ли? Как-то это все... по-шамански выходит.

Сначала не было ничего, мысли постепенно успокаивались, потом вдруг он понял, что чувствует аймихо, они действительно были неподалеку и ждали, может быть, его усилий. Затем он попробовал мысленно ощупать яйцо. Оно было холодноватым, гладким и выгля-

дело... каким-то жидким. Ничего другого в мыслях больше не проявлялось, может, Рост еще рано решил его «стимулировать»?

А потом вдруг, он даже сам не понял, что это такое и как это произошло, он почувствовал, что уже не один и даже не с аймихо тут находится, а... да, с кем-то, кто его ждал. И этот «кто-то» его со всех сторон осматривает. Проверяет вслепую, словно бы очень точным и тонким инструментом, гораздо точнее, чем просто пальцами, и в целом находит подходящим... Для чего-то, чего Рост не мог понять. Это было бы больно и жестоко, это было бы даже ужасно и отвратительно, если бы... он не знал, что именно для этого и предназначен этим самым существом, которое впервые, кажется, проявило желание выйти из автоклава.

И еще Рост понял, что остатки скорлупы, на которую было потрачено столько жизненных сил, следовало после рождения... «кого-то» вернуть в автоклав, он все эти скорлупки собирался растворить и еще не раз использовать.

Он ощутил, что его поддерживает Ромка. Поднял голову, нашел его, вдруг оказавшегося на грани обморока, но его за плечи держали Витек с Фремом.

– Молодец, – прошептал Ростик, – здорово ты...

– Я не знаю, что это такое.

Ромке это было внове, он был измочален гораздо серьезнее Ростика, он даже боялся того, что произошло. Хотя Росту было понятно, что теперь, пожалуй, Ромкин путь будет не менее трудным и путано-замысловатым, чем у него самого. Отчего так получилось, Рост не знал, даже не пытался гадать, но... Ничего другого Ромке теперь не светило, он был менталом, может быть, необученным, стихийным, природным, но не менее сильным, чем иные из аймихо. Жаль, лучше бы он был как все, подумал Ростик.

Рост уже немного пришел в себя. Приказал:

– Ромку отвести наверх, он... тоже как-то запечатлелся в образе того, кто сидит в яйце. Уж не знаю, что произошло, но это так. Сонечка, – он повернулся к местной командирше, – вызови к нему аймихо, пусть его посмотрят. Для него это – немного слишком.

– А с автоклавом-то что? – спросила Лада.

– Сейчас все увидим своими глазами, – уверенно отозвался Ростик. И не зря.

В подвале вдруг гулко, словно треснуло большое и толстое бревно, хлопнуло, потом Пестель молча указал пальцем... Трещина в оболочке автоклава расширилась, стала неровной, ломаной и соединилась с другими такими же, прежде едва заметными трещинками. Потом кусок с две ладони, не больше, куда-то провалился и стал виден край... скорлупы.

Она была толстой, пожалуй, сантиметра три или даже чуть больше. Изнутри влажно поблескивала какая-то пленка, тоже не слишком тонкая, но замечательно похожая на пленочку, которая изнутри покрывает поверхность куриного яйца. Рост, кажется, понял, почему автоклав – не самое удачное определение того, что они перед собой видели, и почему Сонечка этого названия избегала.

– Ну, еще немного, – почти сурово попросил Ким неизвестно кого.

Но прошло почти четверть часа, прежде чем яйцо стало раскалываться дальше. Пестель даже заскучал и хотел было заглянуть в образовавшуюся дырочку, только Рост его не пустил. Почему-то это было опасно и, конечно, совершенно не нужно.

Расколовшись еще на несколько неодинаковых кусков, верхушка яйца стала похожа на неудачное подобие мозаики, только однотонной, и стало заметно, что эти куски поднимаются, словно бы дышат, следовательно, существо, которое находилось под ними, шевелилось.

– Теперь, – попросил Ростик, – все – назад.

Отступив к той стене, у которой стоял Фрема с Витьком Грузиновым, вся компания расположилась ждать дальше, но очень много времени ожидание не заняло. Вдруг, словно от внутреннего взрыва, автоклав, или яйцо, лопнул, осколки разлетелись чуть не во все сто-

роны, хотя большая их часть соскользнула вниз, не оторвавшись от общей пленки, и из яйца медленно, неуверенно, но весьма упорно появилось... Это было что-то мокрое, качающееся от слабости и необыкновенно большое. Уже через мгновение Ростик, который все это наблюдал, было непонятно, как в таком вот относительно небольшом объеме автоклава помещалось такое создание.

А существо выпрямилось, теперь оно стояло на двух ногах в разбитом автоклаве, как в корытце, и упиралось головой в потолок подвала. Свет от зеркал освещал только его торс, ноги до колена и руки ниже локтей. Каждому было видно, что существо это лишено каких-либо половых признаков, а под его не очень волосатой кожей волнами перекачивались мускулы. Больше всего это было похоже на... на то, если бы ожило одно из тех деревьев, из которых состоял лес дваров.

Покачавшись, гигант вдруг выпал вперед, на руки, и стала видна его голова, опущенная, совершенно голая, без малейших признаков волос. Да и головой это сложно было назвать, она находилась как-то в середине плеч, глубоко уходила в грудь, почти не способна была двигаться, зато была отлично защищена от любого удара.

И все-таки это существо обладало достаточной подвижностью, чтобы поднять лицо к свету, льющемуся в подвал сверху, от зеркал. И оно двинулось вперед, на свет. Еще неуверенно, трудно, с каким-то даже хрустом в суставах... Лишь спустя некоторое время Ростик понял, что существо попросту давило остатки скорлупы, которая местами на него налипла.

– Здорово! – шепотом проговорила Лада.

– А по-моему – урод, – высказался Ким.

Но Ростик слышал эти слова как бы краем сознания, он смотрел на существо перед собой и отчетливо понимал, что ему нужно. Он почти выкрикнул:

– Еды!.. Любой, зерна, или молдвуна, или... Нет, мясо он сможет только потом... И воды, много воды, хотя, тоже нет – воду он найдет сам.

Сонечка куда-то дернулась, а Ростик вдруг попятился, потому что существо, по-прежнему с поднятым лицом, напряженно и вполне осмысленно нашло его взглядом. Глаза у него были большие, очень темные, без малейших признаков радужки, зато с мощным хрусталиком, как у кошки.

Ростик не почувствовал, как его плечи уперлись в стенку подвала, а его ноги сами собой сложились. Он опустил сначала на корточки, потом сел на пол.

Он не понимал, что происходит с ним, никогда еще не ощущал такого безудержного, такого... подчиняюще-властного давления на свое сознание. И он медленно, но верно начал понимать, что значит простенькое на первый взгляд значение этнологического термина – запечатлевание. Это было больше, чем слово, это было даже что-то более значимое, чем функция. Это был приказ, не подлежащий обсуждению или расшифровке. И в этом очень много было от биологии, как бы Ростик ни стремился этого избежать.

Снова рядышком оказалась Лада и кто-то еще, но это было неважно. Гораздо существеннее было то, что по ступеням спускались три бакумурские женщины, почти незаметные, как привидения, которых не видят те, кому они не хотят показываться. Одна на огромном подносе волокла весьма грубо и неаппетитно выглядевшие куски не слишком свежего молдвуна, видимо, привезенные из недалекого отсюда Лагеря пурпурных. Другая перла большой и жестковатый мешок, связанный из грубоватой травы, в котором на каждом шагу шуршала сухая как песок фасоль. Третья несла относительно небольшую глиняную бадейку, в которой что-то плескалось.

– Ишь, словно Гулливера лилипутицы кормят.

Кажется, это был голос Пестеля, но может быть, и кого-то еще. Ростик по-прежнему не мог определиться в этом мире, он только и был способен разглядывать, как это... существо жует, запихивая пищу в пасть не слишком уверенными, медленными, хотя и надежными

движениями. На долгий миг ему показалось, что именно он научил... Гулливера есть. Сам гигант почему-то не был этому обучен.

– Слушайте, а давайте его на воздух выведем, чтобы точно измерить рост. А то у меня не получается... – вот это точно Пестель. И о какой же ерунде он говорит, мелькнуло в голове у Ростика.

– Чего тут измерять? Высота подвала – семь метров ровно, – отозвалась Сонечка. И что-то добавила, чего никто, кажется, не расслышал.

– Еще бы неплохо было понять, зачем он? – спросил Ким.

– Зачем-нибудь да нужен, – опять Сонечка. Она отчего-то волновалась и уже пробовала взять Гулливера под защиту, хотя тот в этом совсем не нуждался.

Пить Гулливер тоже не умел. Он сделал основательную попытку прилечь на пол перед бадейкой, но... Бадейка раскололась, залил пол водой. Существо наклонилось, чтобы лизнуть пол, но Рост неожиданно для себя приказал:

– Нет, так нельзя!

И Гулливер, недоверчиво хрюкнув, отполз от грязноватой лужицы.

Наверх, беззвучно на этот раз предложил ему Ростик, там есть ручей. Даже небольшая речка... Только не утони, пожалуйста. И тут же он понял, что выражение «обжечься мыслью» – не просто поэтическая метафора. Потому что его обдало таким ответным вниманием Гулливера, что именно – обожгло.

Гигант, даже лежа, немного покачался, но сумел подняться на четвереньки и тяжело от набитого брюшка, которое теперь слегка раздулось, пополз к выходу. Рост снова подумал, на этот раз почти сам, без давления этого... монстрика, мол, хорошо, что тут такие здоровые дверные проемы устроены. И снова, как эхо после этой мысли, понял – а это мало что значит. При желании Гулливер был способен проложить себе путь на свободу, сокрушив любые узкие проемы.

– Он не слишком быстрый, – поделился наблюдением Пестель. И сразу же, вслед за этим: – Эх, обследовать бы его...

– Ага, а он тебя – хлоп, и сожрет. У него с этим, кажется, однозначно.

На этот раз Ростик даже не понял, кто Жорке ответил: Лада или Ким.

Гулливер выполз из подвала, пытаясь прийти в себя, потряс головой, хотя получалось, что трясет он плечами, и только тогда понял, что умеет двигаться по-другому. Люди тоже следом за гигантом оказались во дворе завода, под солнцем, причем Ростика придерживала Лада, она продолжала о нем заботиться, памятуя, как он сполз по стеночке непонятно отчего.

Заводской двор мигом опустел, лишь у самой дальней стены нестройной кучкой копошились бакумурши, кажется, те самые, которые принесли еду. Они мало что понимали, но на всякий случай приготовили еще одно такое же подношение, около них в напряженных позах стояли с полдюжины аймихо. Вот они-то изрядно побаивались того, что происходило на их глазах, и, к сожалению, это передавалось всем волосатикам.

Рост отмахнулся от этих мыслей, они были малозначимы сейчас. А бакумуrows после пары-тройки часов вполне можно было успокоить, решил он, если некоторые и разбегутся, то основная команда все равно останется, уж слишком им тут привольно и сытно жилось... Он понял, что пристально вчитывается в волосатиков, а этого сейчас делать не следовало. Необходимо было думать о чем-то другом, хотя и непонятно – о чем же именно?

Гулливер вытолкался из заводского двора и попробовал покататься в песке, избавляясь от остатков скорлупы, или точнее – от слизи, которая теперь, видимо, высохла и стягивала кожу. Делал он это по-прежнему не слишком ловко и совсем даже не быстро, но... Рост был готов заложить свою душу, что это у него временно. Потому что даже в этих не слишком еще умелых движениях читалась... да, определенно читалась способность быть быстрым, как аглор, и неостановимо мощным.

Рост наконец определил, кто находился с ним рядом у плеча, помимо Лады. Он и сказал:

– Ихи-вара, он научится.

Невидимка откинула капюшон нузы, посмотрела на Ростика своими изумительными глазами, не дрогнув ни одним мускулом прекрасного лица.

– Наши дети тоже не слишком ловкие, когда рождаются. – Она помолчала. – И как это у вас, людей, все так вот получается? Ведь вы, если к вам не приглядеться, почти не способны на такое...

– Что она говорит? – потребовала перевода Лада, лишь тогда Ростик понял, что они разговаривали на едином.

До них вдруг долетел голос Пестеля:

– Я все-таки полагаю, что существо с такой массой не способно быть очень уж эффективно. Его мускулы и костяк просто не в состоянии обеспечить значительную... юркость и точность движений.

– Вспомни динозавров всяких, – ответил ему Ким. – Еще на Земле, конечно. А весили они десятки тонн... И были достаточно эффективны для выживания.

– Положим, не «десятки», а около десяти, и выживание их было возможно в условиях избыточного растительного мира... К тому же мне почему-то кажется, что своего рассудка, так сказать, своей воли у этого... монстра нет. Возможно, нет даже ощущений, кроме самых простых, на уровне рефлексов.

Словно опровергая это заявление, Гулливер вдруг поднялся на ноги. Со стороны со своими непомерно длинными руками, растущими из необыкновенно мощной грудной клетки, на непропорционально коротких ногах, с головой, почти утонувшей в груди, он казался откровенно уродливым. Он поворачивался всем туловищем, осматриваясь, а потом, вдруг с шумом вдохнув побольше воздуха, затопал к ручью в двухстах метрах от завода.

С него сыпался высыхающий песок, и шел он, еще пошатываясь, но уже не полз. А когда добрался до ручья, то плюхнулся в него, лицом вниз. Ростик на миг жутко испугался, что тот захлебнется, но Гулливер блаженно раскинул руки, и вдруг легко, словно всю жизнь умел плавать, перевернулся на спину, причем вода теперь покрыла почти все его тело, лишь нос и выпуклый лоб оказались на поверхности. А потом он лил эту воду себе на грудь и живот. Так иногда делал и Ростик, так делают все люди, зачерпывая воду ладонями и нагоняя на себя приятные волны.

– Все-таки, – не успокаивался Пестель, – где же Ростик?.. Ага, ты тут. Слушай, всеведующий наш, как же он будет тут жить?

Ростик улыбнулся ему, хотя до Пестеля было шагов двадцать и разговор на таком расстоянии сейчас представлялся ему невыносимо трудной задачей.

– Пока не знаю. Но это ничего не значит. – И убежденно добавил: – Почему-то мне кажется, что за эффективность Гулливера опасаться не стоит. Он гораздо лучше приспособлен к жизни, чем многие и многие из нас. – Он подумал и уже с некоторой долей сомнения добавил: – Может быть, он вообще – бессмертный.

Глава 6

Ладка, вредная девчонка, разложилась, почти спихнув Ростика с кровати. Она спала, словно хотела обнять весь свет, и при этом сопела от удовольствия, почти похрапывала. Ее лицо было каким-то на редкость прекрасным, словно бы ей всегда снились только самые замечательные, счастливые сны. Рост смотрел на нее с удивлением, он не понимал, почему видит в темноте, как вообще тут оказался... Ему-то как раз снилось что-то совсем не замечательное, хотя самого сна он не помнил.

Он осторожно, чтобы не разбудить жену, сел на кровати. Поежился, Лада переволокла одеяло на себя, а потом еще и скомкала его, так что он оказался совсем голым, и тело немного задубело от свежего ветра в окно. Впрочем, благородным названием «окно» эту не совсем правильную дыру в стене не стоило называть. Ветер переменился, решил Рост, потому что отлично помнил – когда они ложились спать, воздух в комнате был неподвижен, как это обычно бывает в Полдненье.

Окно можно было закрыть ставнем из литого пористого камня, ходившим на тяжелых и на вид неуклюжих каменных же петлях, но тогда в помещении сразу появлялся запах ветоши, машинного масла и чего-то, что приводило на ум мышей, хотя чего-чего, а уж этой живности на заводе не было. Их регулярно, чуть не каждую зиму, уничтожал борым.

Рост оделся, поплескал в лицо воды из фаянсового тазика. Такой фаянс здорово научились делать в Одессе, еще немного, его и расписывать начнут, решил он. Потом подумал, может, он такой раздраженный, потому что давно не подравнивал бороду, вот она и мешала, особенно во время умывания?.. Нет, не то.

Оставалось признаться, что Роста злило то, что он не помнил свой сон. А тот был важным и что-то сообщил Росту, что стоило запомнить.

Пока же он придумал только, что окно потому и не закрыли, что оно давало немного света от горевших во дворе Алюминиевого завода четырех здоровенных факелов. Их очень удачно сделали давным-давно, когда и Лагеря пурпурных поблизости не было, и главной опасностью считались гиеномеды. Теперь их использовали просто для освещения, должно быть, по привычке. Насколько Ростик понимал, они были устроены по принципу керосиновой лампы, где выгорал спирт, поднимаясь по туго скрученным полотняным фитилям, только большого размера.

Рост оделся, отыскал на столе тарелку с сушеной рыбой и кусок лепешки, пожевал без аппетита, к тому же захотелось пить. Рост вышел из комнаты, попробовал быстренько сообразить, есть ли вода на кухне, но ничего не придумал. Поэтому вышел во двор, там должна была находиться перевозная бочка на колесах со старинной надписью «Квас», которую каждый вечер наполняли из ближней речки бакумуры, а потом волокли на себе в заводской двор. Это была их обязанность, они выполняли эту работу уже без напоминаний.

Двор показался Росту слишком пустынным и даже немного гулким. Но освещенным достаточно, чтобы он на всех четырех углах стен нашел фигуры часовых. Трое из них были бакумурами, четвертый, совершенно определенно, человек или пурпурный. Хотя все-таки человек, пусть в темноте и трудно было разобрать. Рост открыл кран, выпил почти полную кружку, привязанную к крану бечевкой, и вдруг насторожился.

Он не слышал никакого определенного звука, не чувствовал запаха, да и по виду часовых все обстояло нормально, и все-таки... Тогда, не слишком-то отдавая себе отчет, Ростик направился к темнеющему в колеблющемся пламени спиртовых ламп проему, который вел в подвал, где должен был находиться Гулливер. Из подвала пахло сыростью, но это было не страшно, Рост после еды уже немного согрелся, к тому же тут, на открытом воздухе, было тепло, весна вступала в свои права.

В глубине подвала, в конце изрядно длинной, ступеней на тридцать, лестницы тоже горела какая-то площадка. Это позволило спуститься по не очень старательно отлитым ступеням, ни разу не споткнувшись. И лишь оказавшись в подвале, он понял, что пришел сюда правильно. Тут кто-то находился и следил за всем, хотя вроде бы ничего не происходило. Рост осмотрелся.

– Пап, это я, – сказал Ромка, который спокойно восседал чуть в стороне от лампы на табурете, связанном бакумурами из лозняка толщиной в палец. Такие табуретки высыхали и приобретали крепость и надежность отлитых из камня стульев, но были гораздо легче.

– Ты чего не спишь?

– Пытаюсь понять, что ты сделал с ним.

– Зачем?

– Не знаю, но... Мне интересно.

Рост посмотрел на Гулливера, который лежал на груди невыделанных шкур. Это было понятно, охотиться иногда, особенно по весне, приходилось много, чтобы стол для гарнизона был сытнее и разнообразнее, но бакумуры почти никогда не разделявали туши убитых зверей, не содрав предварительно шкуры. Их за ненадобностью толком и не обрабатывали, они задубевали и становились ни к чему не пригодны... Кроме как служить ложем для свежеслушленного гиганта.

– Как он?

– Иногда кажется, что спит, а то вдруг я подумаю-подумаю, и мне представляется, что он следит за мной. Или не за мной... А за всем, что происходит вокруг.

Ростик вспомнил, как мучительно он во время первых своих сеансов предвиденья пытался определить то, что ему представлялось, и не мог найти ни слов, ни смысла в своих видениях... Пока не научился, иногда через весьма горький опыт, управлять этими состояниями и доводить их значение до других людей.

Рост подошел к новорожденному поближе, оказалось, что принесенные в корзине из травы грубоватые лепешки это существо схрумкало вместе с... «оберткой». Ну, может, он и эту вот сухую, как трут, траву полагает пищей, подумал Ростик. Да, странное существо у них появилось, труднопостижимое.

Ромка немного плывущим, как заезженная пластинка, голосом спросил:

– Как думаешь, для чего он?

И тогда Ростик, который вот только что гордился, что отлично научился управляться со своими болями во время предвидений, да и с самими предвидениями, едва не согнулся, потому что ощутил ментальный удар огромной силы, нанесенный, словно бы тугой веревкой. Он понял... И даже не понял, а именно почувствовал, что теперь нужно делать.

Он и не заметил, как поднял руку ладонью к Ромке, приказывая ему умолкнуть и оставаться на месте. Потом как сомнамбула, преодолевая внезапную боль, деревянным шагом направился... Гулливер, казалось, только этого и ждал. Он хрюкнул, немного напомнив спящую Ладу, только громче раз в сто, и перевернулся на живот. Или лицом вниз, выставив вверх спину, неровную, бугристую, тяжелую, свитую из могучих мускулов настолько, что она казалась горбатой.

Да нет же, решил Ростик, она и есть горбатая. Даже сейчас, при свете слабенькой площадки было непонятно, почему они все не разглядели этот горб днем, когда Гулливер был отлично освещен и виден целиком. Или у него это выросло, пока он спал? Бред, конечно, решил Ростик. И тогда вдруг вспомнил свой сон.

Это был не кошмар, это было что-то неизбежное... Он так же сомнамбулически, как и дошагал до Гулливера, принялся раздеваться. Ромка громким, отчетливым шепотом сзади спросил:

– Пап, ты чего?.. – Договорить, естественно, он не мог. Он ничего не понимал.

Да и сам Ростик ничего не понимал. Но разделся так уверенно, словно четко представлял, что делает и зачем это нужно.

Оставшись совсем голым, он сделал последние два десятка шагов к Гулливеру, и... Тогда понял, что видит перед собой не горб, а раскрытую, как раковина, живую ткань, обнажившую сзади, вдоль спины гиганта странную полость. Она была продолговатой, чуть влажной и состояла из множества каких-то лепестков. Рост внутренне содрогнулся, почувствовав, что в этом очень много от ненормального, болезненного какого-то эротизма, и все-таки взобрался по ноге гиганта, который выдержал это стоически, даже ни разу не дернулся, и... улегся в эту полость.

Его тотчас охватили более нежные внутренние лепестки, зажали неплотной, но необоимой хваткой. На лицо, чуть подрагивая, легла какая-то маска, которая тотчас закрыла рот и нос, но странным образом Ростик сразу ощутил, что может дышать. Удушья, которое мучило его в том сне, о котором он забыл и от которого проснулся, не было, скорее наоборот – он мог дышать так свободно, словно к его собственным легким подключилась еще какая-то машина, облегчающая эту работу.

Ноги тоже были охвачены, живот оказался спеленут спереди и сзади, причем он ясно понял – теперь он может... не выходить из тела Гулливера, чтобы справиться какую-нибудь обыденную человеческую нужду. Эвакуация всех продуктов жизнедеятельности человека в полости этого гиганта была налажена так же безупречно, как и удаление его собственных отходов.

Рост попытался подвигать руками... И понял, что пока этого делать не следует, потому что его руки стало слабо покалывать, словно бы к каждому квадратному сантиметру его кожи от кончиков пальцев до плеч подвели слабый, но осязаемый электрический заряд. Это привело к тому, что... он уже не понимал, где кончаются его руки, а начинаются... руки Гулливера. Он и гигант срослись, стали одним целым.

Это было кошмарное и в то же время очень приятное состояние. Рост открыл глаза, и лишь тогда понял, что уже давно слышит, как бьется сердце этого огромного тела, слышит потрескивание пламени на фитиле плошки, слышит даже дыхание Ромки, который сжался в комочек, словно присутствовал при смерти отца, но ничего не мог поделать. Хотя он держался, не вмешивался, просто смотрел и... дышал так громко, что хотелось зажать уши.

Значит, слух работает, понял Ростик. И попытался как-то изменить свое тревожное настроение, вызванное всей этой непонятной процедурой, чтобы слух стал поглубже. И звуки пригасли, стали терпимыми, почти обычными.

А потом он увидел складки шкур под собой, вернее, под лицом Гулливера. Это тоже было не просто. При желании, сфокусировав зрение, он мог бы увидеть каждую ворсинку на блохах, которые копошились в зарослях меха на шкурах. Но при желании мог сделать свое зрение человеческим, как у него вышло со слухом, вот только... Рост еще раз проверил свои ощущения, да, он умел теперь видеть в темноте. И почти без напряжения, словно всегда это умел.

При желании он мог видеть даже в нескольких диапазонах. Красновато-желтый свет определял зрение в тепловом режиме, а холодный зелено-синий, переходящий в глубокий фиолет, позволял видеть очень мелкие детали, словно бы тепловое виденье становилось тут ни при чем.

Ростик вдруг почувствовал, что его растворенность в этом теле как-то изменилась. Но он был настолько плотно сейчас подключен к нему, что не сразу даже догадался, что... Что-то очень мягко, нежно, едва ли не вежливо оказалось у его губ, и он понял, что Гулливер его кормит. Это было молоко или что-то очень на него похожее.

Ростик вспомнил, что примерно так же кенгуру размещают свое потомство в знаменитых кенгуровых карманах на брюхе и так же кормят через специальные соски... пока дете-

ныш не вырастал, чтобы существовать самостоятельно. Тут было все по-другому, но в чем-то необыкновенно сходно.

Главное отличие заключалось, конечно, в том, что он был совершенно зажат со всех сторон, так что не мог бы и шевельнуться в этом... коконе. Но и сходство диктовалось почти полной включенностью в это огромное тело, он даже вкуса этого молока не ощущал, пока... Пока не понял, что оно несло в себе какой-то очень мощный стимулятор, мигом сделав самый его мозг зависимым от гиганта.

Это был приступ необыкновенного счастья, почти стирающего весь его опыт, все, что с ним произошло в этой жизни, едва ли не поглощающего его личность, то самое, что и составляло, собственно, – Ростика Гринева... И в то же время, это было ошеломительно рабочее состояние – полное свежести, ясности и силы... Необыкновенной силы.

Даже не слишком постаравшись, на одном движении руки и брюшных мускулов, он приподнялся, управляя теперь Гулливером. Более того, он был как бы предназначен для него, как сам Гулливер был скроен по нему, словно новый скафандр, замечательный, усиливающий все его способности, вплоть до мышления.

Хотя, по правде, с мышлением стоило разобраться. Потому что терять часть себя, растворять свою личность в этой груди мускулов и хлещущей через край энергии Ростик был не готов. Он просто не собирался поступаться своим человеческим естеством ради того, чтобы обратиться... в полуразумное, но все-таки животное.

Он постарался представить себе, что должен сделать, чтобы подняться на ноги. В сознании это было не так просто, как обычно бывает, когда действуешь на рефлексах, автоматически и без раздумий. Теперь ему приходилось об этом думать той частью сознания, которая оставалась еще Ростиком, человеком.

Потом он проделал придуманные движения. Гулливер подчинялся, хотя и не слишком умело. В какой-то момент Ростик показалось, что на его руки-ноги водружены жутко тяжелые, может быть, свинцовые латы, в которых любое мельчайшее действие требует непомерной силы и концентрации внимания. Но это ощущение стало развеиваться... Ростик почти физически ощущал, как оно уходит, может быть, потому, что свинцовые латы вдруг стали чем-то текучим, как вода во время быстрого заплыва. А потом... сопротивление совсем исчезло.

Оказывается, Гулливер тоже пытался привыкнуть к нему, как и человек к гиганту. Только у гиганта это получалось быстрее и естественнее. Почти как во сне все получается – волшебю.

Ростик, вернее, Гулливер с телом Ростика, разложенным в спинном мешке гиганта, выпрямился во весь рост. Он еще чуть покачивался, но опасаться, что он упадет, уже не следовало. Все было правильно, даже здорово, восхитительно легко.

– Пап, – спросил Ромка, он стоял на ногах и в его лице читалась тревога, едва ли не страх. – Ты как там?

Рост попробовал было заговорить, но понял, что не сможет. Горловой аппарат гиганта не был приспособлен для того, чтобы транслировать членораздельную речь. Это неправильно, подумал Ростик, как же в таком случае общаться?.. Ведь поневоле придется что-то говорить другим людям, или...

И тогда он вдруг понял, что Гулливер – всего лишь экспериментальная модель, так сказать, первая проба. И будут другие гиганты, в большом количестве. И они, скорее всего, окажутся лучше приспособлены для людей, которые последуют Ростову примеру и заберутся в подобные коконы.

Он пошел вперед, покачивания Гулливера при каждом шаге прекратились. Наоборот, он стоял теперь на ногах так твердо, как никогда прежде, или ему так казалось. Попутно он ощущал шершавый пол под голыми ступнями, чувствовал запах этого помещения, даже

запах Ромки – по-мальчишески терпкий – ощущал на расстоянии двух-трех десятков обычных человеческих шагов.

Ростик не сразу догадался, что нужно теперь делать. И это опять-таки потребовало от него концентрации – чтобы представить сначала жест, а потом исполнить его огромной Гулливеровой ладонью.

Он сжал пальцы в кулак и поднял вверх большой палец. Ромка хихикнул нервно, но с облегчением. А потом откуда-то сверху послышались странные, скользкие шаги. Рост, вернее Гулливер с ним, попытался повернуть голову, это оказалось трудно, проще было повернуться в поясище.

Сжавшись, словно она бежала в атаку, по лестнице спускалась Лада. И как она почувствовала, что тут происходит? Увидев Ромку, она выпрямилась и что-то спросила. В состоянии радужной эйфории Ростик не понял слова. Как не разобрал ни одного смыслового оттенка в речи Ромки. Хотя и ясно было, что Ромка успокаивается, в то время как Лада – нет. Она даже кулаки прижала к груди, как делала, когда очень нервничала.

Рост не мог говорить, но улыбаться умел, и попробовал это сделать. Правда в голове мелькнула странная идея, что улыбка, скорее всего, напоминает улыбку собаки, привыкшей к этому жесту, понимающей, что он выражает спокойствие и удовлетворение, но... Все равно это было не по-человечьи.

Он осторожно вытянул руку, Лада едва ли не с визгом отскочила к Ромке, и Рост медленно двинулся вперед. Коридор, по которому он еще человеком спускался в подвал, сделался теперь жутко тесным, будто чужой, не по размеру гроб. Но он его миновал, потому что сверху веяло приятным ночным воздухом.

И к тому же очень хотелось есть. Рост каким-то прежним своим опытом, а может и опытом Гулливера, догадывался, что в ручье можно разжиться свеженькой, вкусно пахнущей рыбой... И у Ростика почти не вызвала сопротивления мысль, что есть эту рыбу придется сырой. Он даже был рад этому, так приятно будет запустить в нее зубы, высасывая живительный сок и наслаждаясь превосходным, богатым вкусом!

Он обживал это новое, мощное и совершенное тело, словно заново родился на свет... Внезапно что-то оказалось сбоку, может быть, даже на стенах вокруг завода, которые показались сейчас ему весьма невысокими. Он повернулся, это были аймихо. Они стояли и разглядывали... то, что было перед ними. А ведь придется находить название тому симбиозу, который составили мы с Гулливером, подумал Ростик.

И нужно было решить именно сейчас, пока ощущение нового тела не утратило свою свежесть, пока он не привык к этому состоянию – сам ли он, исполняя свой невнятный сон, открыл эту способность Гулливера принять его, или на эту догадку его натолкнули верные аймихо? Почему-то это было важно.

Он зашагал через двор, выложенный плитами из литого камня, ощущая, какой труд разумных существ был в них вложен. Они были согреты этим трудом, несли в себе его отпечаток, в то время как дикие камни, которых было много за стенами завода, такого отпечатка не имели... Это завораживало гораздо больше, чем сложности с аймихо.

Ворота были заперты, как обычно, на ночь. И довольно широкая, почти в четверть метра, полоса стали служила для них засовом, будто кто-то собирался эти ворота ломать, используя средневековый таран... Ростик попытался лапами Гулливера выдернуть эту планку, и оказалось, что это нелегко, пальцы не слушались, словно отмороженные... Или он еще не научился совершать такую тонкую работу.

Поэтому он просто двинул в ворота кулаком, потом поднажал плечом... И они прогнулись, словно были изготовлены не из кованого металла, а из пластилина. В общем, в плече еще некоторое время оставалось ощущение чего-то податливого, почти мягкого. Одну из

створок он едва не снес с петель, зато вторую пожалел – раскрыл легким пинком колена. Хотя, может быть, слишком сильно пихнул, она зазвенела, как басовитый гонг.

И он оказался на свободе. Перед ним простирались ночные предгорья Олимпа. Рост вышел из ворот, вдохнул полной грудью и поднял голову. Говорить он по-прежнему не мог, но был способен замычать от удовольствия.

Его рык прозвучал, конечно, не вполне по-человечески, но так по-гигантски... И он выражал счастье.

Часть вторая Боевое крещение

Глава 7

Ростик вместе с тем, кого прозвали Гулливером, работал. Вернее, тренировался, пытаясь обустроить это новое для себя тело с новыми и великолепными возможностями. Причем следовало иметь в виду как органы чувств гиганта, так и Ростиково самоощущение.

Больше всего ему, конечно, нравился тот поток эйфории, в котором он теперь почти постоянно пребывал, но и остальное было неплохо. Во-первых, конечно, питание, Гулливер кормил его так же нежно, как мать, вероятно, кормит свое дитя, которое вынашивает у себя под сердцем. Рост и хотел бы усмехнуться при этой мысли, хотя бы раз, но не получалось – все его лицо было затянато чем-то и потеряло чувствительность. Может, он и улыбался тут, может быть, он вообще все время улыбался, только не ощущал этого. Вот лицо Гулливера чувствовалось им великолепно, до такой степени, что, когда гиганту случалось пораниться, Рост воспринимал его боль как свою, буквально. Но и это ощущение общей боли быстро проходило, потому что способность к регенерации у гиганта была невероятная. Синяки пропадали за полдня, а небольшие порезы, которые возникали от неосторожных кувырков по камням, покрывались бесцветной жидкостью, и уже через пару часов оставался лишь шрамик, который к концу дня все равно проходил. Это ощущение собственной неуязвимости было вторым качеством, от которого Ростик приходил в восторг.

Третьим, от чего Рост ни за что не хотел бы отказаться, было чудесное новое восприятие мира. Он мог почти все, и ему начинало казаться, что он слишком долго был заперт в тело с весьма ограниченным человеческим восприятием, когда ни слух, ни обоняние, ни даже зрение не были, оказывается, по-настоящему острыми и эффективными.

И конечно, мышление. Никогда еще оно не было у него таким ясным, если не сказать – молодым, совершенным и полным. Вероятно, это возникало от совершенства его чувств, а может быть, он действительно молодел, как-то восстанавливался, находясь в Гулливере, или тот самопроизвольно его восстанавливал, потому что довольно побитое и уже истрепанное жизненными невзгодами тело Ростика почему-то не подходило гиганту. И он приводил его в соответствие с собой – изумительной машиной, предназначенной для движения, радости и, безусловно, победы.

По сути, Ростик тренировался, примерно так же, как его в свое время пытался учить Квадратный, непревзойденный рукопашный боец, который владел дальневосточными единоборствами, может быть, даже дзю-дзюцу смешанным с карате. Помнится, старшина что-то такое рассказывал, хотя и не слишком охотно. Что подделаешь, умение хорошо драться на Земле, в Советском Союзе находилось под запретом. А Квадратный от той жизни не вполне отошел, может быть, даже неведомым образом хотел бы вернуться туда. Вот у него и осталась такая... сдержанность.

Рост перекатился через левое плечо, тут же, правильно сгруппировавшись, оказался на ногах, за счет динамики всего своего нового тела, потом повторил кувырок справа... Несмотря на довольно каменистую почву, после него возникла слегка взрыхленная полоса, земля его не очень уверенно держала. И хотя камни, как обычно, впивались в кожу, было среди них немало и таких, которые раскрошились от этого упражнения.

Он прыгнул вперед рыбкой, но перед землей сложился и перекатился через голову, тоже мгновенно оказавшись на ногах. Он называл это «обкатыванием» тела в падениях. Раз-

вернулся на месте... Ему очень нравилось так вот юлой разворачиваться, из этого возникало множество удачных находок, можно было нанести удар рукой, причем из-за вращения кулак летел с невероятной скоростью, а можно было, например изменить положение в пространстве, так что, если бы кто-либо его тупо-напрямую атаковал, например, носорог, он бы непременно ушел от основного удара и вышел на отличную контратаку...

Он занимался так уже много часов, но усталости не чувствовал, он теперь вообще не уставал. Только вот способность концентрироваться немного подводила, но это зависело, вероятно, уже от человеческой нервной системы, а не от физической выносливости Гулливера.

И было, пожалуй, еще одно ограничение – в скорости. Кости и мускулы Гулливера трещали иногда так, что Рост их каким-то образом явственно слышал. Все-таки масса у гиганта была чрезмерной. Если бы Рост разгонял движения до предела, не исключено, у него руки и ноги вылетали бы из суставов или возникли внутренние растяжения и разрывы связок и мускулов.

Еще ему все время хотелось есть, но в этой относительно диковатой местности было полно всякой живности, вот он и не стеснялся. Вернее, когда голод становился невыносимым, он отдавал управление телом самому Гулливеру, который отлично с этим справлялся – загонял двугорбых жирафов, которых мог съесть больше чем наполовину, или пасся, прожевывая довольно большое количество сочной молодой листвы, только-только появившейся на деревцах, или набивал брюхо рыбой, которой в ручьях, особенно на перекатах, собиралось видимо-невидимо. Правда, рыбу он в последнее время не слишком любил, рыбалка требовала времени, которое жалко было тратить попусту. В крайнем случае он отправлялся на Алюминиевый завод, где его отлично подкармливали.

Иногда Гулливер охотился, когда Ростик, утомленный всей этой деятельностью, спал в его мешке, хотя теперь ему требовалось для восстановления сил всего-то часа четыре, от силы пять. Сам Гулливер почти не спал, просто не понимал, зачем это нужно – спать.

Сознание гиганта Ростик воспринимал как нечто теплое, живое, очень податливое и несомненно дружеское. Хотя чрезмерно глубоко в себя Гулливер его не пускал, каким-то образом выталкивал, словно приятеля, который зашел не вовремя или оказался в лаборатории, уставленной приборами, о которых не имел ни малейшего представления, и потому мог или сам пораниться, или что-нибудь ценное сломать. Ростика, когда он к этому привык, такие отношения устраивали...

Должно быть, Рост все-таки сазартничал и почти незаметно для себя поднял скорость движений до пресловутых хрустов в суставах. Двигаться еще быстрее было уже трудновато, но после получаса такой «разминки» он почувствовал, что на теле Гулливера выступает пот, самый настоящий, почти человеческий, только с другим, каким-то хвойным запахом. Тогда он двинулся к реке.

Войдя в нее, добравшись до специально вырытого в спокойном месте заглубления, где можно было стоять почти по пояс в светлых и холодных струях, он окунулся с головой. Тут же его окружил звон, издаваемый водой, но он держался за камни и его не сносило. Вынырнул, чтобы вдохнуть. И тогда понял, что уже давно какой-то звук мешает ему, просто он, увлеченный тренировкой, не обращал на него внимания. Он повернулся туда, где что-то происходило.

Обычно на холмике километрах в полутора от этой «ванны» располагалась наблюдательная комиссия, как Рост называл про себя скопление людей с завода, аймихо и даже бакумуров. При желании, особенно ночами, которые бывали иногда слишком холодными, он различал в тепловом спектре зрения и аглоров. Они виделись ему как неясные, неопределенные пятна, тем не менее имеющие, несомненно, человеческие контуры. Если бы Гулливер мог говорить, Рост попробовал бы с ними пообщаться, потому что их больше всех остальных

интересовало, что Ростик делает, и они подходили иногда довольно близко. Но речь, как и смех, оставалась для Роста недостижима. Что-то такое в его сознании происходило, что он все чаще полагал – для общения с людьми будет достаточно самых простых знаков руками, а более сложные объяснения... Как-нибудь наладятся, если будет необходимо.

Теперь он без труда понял, что над недалеким холмом кружит антиграв... Нет, пожалуй, он заходил на посадку, только вежливо, чтобы не согнать группу людей, расположившуюся внизу. Так, значит, кто-то прилетел. Рост раскинул руки и лег на воду, разглядывая серое Полдненное небо. Течение его, конечно, сразу же понесло, пришлось отдрейфовать в более спокойную заводь, чтобы продлить удовольствие. Нет, решил Ростик, все-таки нужно до моря добраться или хотя бы к Цветной речке рвануть... Что тут идти-то? Всего-то пару ночей и один день – и уже там. Охотиться, правда, придется на ходу, зато у моря, без сомнения, можно будет поплавать и накушаться рыбки или в Одессе чем-нибудь разжиться, тем же молдвуном, например. А там уже недалеко до Храма... Но почему-то он этого не делал.

Наконец решив, что он накопался достаточно, сел на камни, теперь вода обтекала его грудь и перекатывалась через плечи. Голова, разумеется, оказалась повернута к прибывшему антиграву.

Из него кто-то стал выбираться. Росту это было не слишком любопытно, но он все-таки переборол свое состояние счастья и решил включиться в жизнь людей. Для этого он резковато усилил дальность зрения и поднял слух до предела. Правда, при этом стало больно из-за какой-то возни в горах, оказывается, там водились хищники почище гиеномедведей, хотя Рост с Гулливером с ними еще не сталкивались... Но больше всего давил плеск реки – слишком сильно и слитно она шумела на камнях, кипела пеной и перестукивала камешками по дну... Но по спектру эти звуки разбирать слова не мешали, вот Рост и прислушался.

Хотя, кажется, сначала он все-таки рассмотрел все, и довольно подробно, вот только за некоторые цвета не мог поручиться, из-за чрезмерного расстояния они поблекли, стали невыразительными. Зато он способен был разобрать фигуры и их движения.

Впереди прибывших, без сомнения, выступал Председатель. За ним увязалось до полудюжины разных... «свитских». Еще бы он тут экскурсии устраивал, с внутренним смехом подумал Ростик. Но разговор, который завелся у начальства, смеха вызвал мало. Потому что ближе всего к Дондику оказалась Баяпошка, а уж ее-то Рост давно приметил, как непременную наблюдательницу его упражнений и охот. Иногда, когда он слишком далеко уходил от завода, она садилась в его... бывшую летающую лодочку с Ладой, и они его непременно разыскивали, хотя что им от него было нужно, оставалось загадкой.

– Сейчас он спокоен, – принялась докладывать главный соглядатай после неизбежных приветствий, – а перед этим почти двое суток... разминался. Как рукопашный боец или еще эффективней.

– Двое суток? – не поверил кто-то... Определенно это был Перегуда.

– Он вообще теперь способен работать, как машина, совершенно не устает. Даже ночью осваивает новые возможности, новое тело.

– А питание? – Это Пестель, старый друг. Видимо, он-то и гонял в Боловск с докладом, что у них тут происходит.

– Наверное, Гулливер его кормит.

– Мы прошли над заводом, – начал ровным тоном Председатель, – и видели, что вы...

– Ворота? – Баяпошка кивнула. – Это он. До сих пор их починить не удалось.

– Настолько силен? – снова Пестель.

Кажется, Баяпошка, переглянувшись с Ладой, ответила каким-то жестом.

– Эти ворота меня беспокоят, – уронил Перегуда. – Какой-то это не слишком обнадеживающий знак... Он не изменится психологически?

– Изменился, и очень сильно, – Баяпошка, оказывается, его читала. – Я не узнаю его.

– В чем проблема?

– Это новое тело... Гулливер как-то воздействует на него, – аймихоша, бывшая Ростикова жена, вздохнула. – Но как бы там ни было, я полагаю, это не страшно, у него железная воля. Он это чудище покорит.

– Ты уверена? – почему-то спросил Председатель.

– Он по-прежнему человек, если я правильно вас понимаю. А его сила, его новые умения...

Внезапно в разговор вступила Лада, которая стояла так, что Рост с помощью Гулливера видел, как она нахмурилась и отчетливо косилась в сторону всей остальной свиты, члены которой не слишком громко переговаривались между собой, вот только расслышать их было уже мудрено.

– Он разгромит теперь любую армию, даже пауков, наверное. – Лада энергично рубанула ладонью воздух, подтверждая свои слова.

– Он сам так сказал? – спросил Пестель или Перегуда, Рост не разобрал.

– Нет, – пояснила Баяпошка. – Но это очевидно.

Так, черт возьми, подумал Ростик, придется, видимо, вылезать, чтобы объясниться. А жаль... Он поднялся из реки и потопал к стоящим на холме людям, отчетливо увидев, что они слегка попятились от него, слишком он представлял собой диковинное и внушительное зрелище, наверное.

Причина его раздражения была ясна, он понял, что действительно придется выбираться из Гулливера. Даже сознание его, обычно слитое с мышлением и ощущениями гиганта, вдруг стало отделяться, разбившись на две разные сущности... Каждая со своими задачами и возможностями.

И едва он установил это, тут же пришло другое. А как же я вылезу? Ведь... я голый. Но при этом ни стыда, ни опасения, что это будет некрасиво и, пожалуй, смешно, не возникало. Вернее, не появлялось никакого нормального человеческого чувства, он все еще находился под пологом гибкой и невосприимчивой к таким проблемам психики гиганта.

Так и получилось, что он дошел до всей компании, остановился лишь метрах в двухстах, потом догадался, что ошибся... Поправил зрение, почти на человеческий аршин измерил дистанцию, которая их разделяла. Оказалось сто двадцать метров, может быть, сто семнадцать. Почему у Роста возникла способность так точно определять дистанцию, он объяснить не мог даже себе. Он сел, Гулливер, с чем-то похожим на несколько вздохов подряд, перекатился на живот, Рост отодрался от мягкой ткани, которая облегла его сзади, и впервые за очень долгое время почувствовал, что способен двигаться самостоятельно, не используя мускулы гиганта. Уперся локтем куда-то назад... И кожа, частично все еще его собственная кожа, разорвалась. Он едва не закричал от этой боли, но понимал, что это необходимо. Иначе эти дурни из Белого дома могли вообразить неизвестно что, и тогда Гулливеру пришлось бы плохо. Гораздо хуже, чем сейчас приходилось ему.

Рост отодрался лицом от маски, которая приросла к нему плотнее, чем остальные части тела. Хотя нет, все его тело срослось с Гулливером, каждый разрыв с ним вызывал обжигающую боль, словно с него сдирали кожу... И тут же его оглушила собственная слабость, неумелость, уязвимость, пожалуй, даже неполноценность.

Гулливер терпеливо ждал, похрюкивая, лежа лицом вниз. Рост осторожно, пытаясь не причинять гиганту мучений, поднялся на колени и удивился, как мало и плохо он видит, как слабо ощущает звуки, и еще в большей степени поражаясь, куда подевались все запахи. Сполз по спине огромной массы гиганта, которая еще недавно была им самим. И снова разозлился на начальство, которое причиняло ему и Гулливеру такие неудобства. Впрочем, он уже и сам мог думать, а потому все-таки решил, что и вправду, пожалуй, пора бы выйти

из кокона и снова сделаться Ростиком Гриневым, самим собой, а не гигантом в этом мире слишком уязвимых людей.

От слабости он присел у гулливеровского бока, прижимаясь к нему, греясь его теплом и в то же время расцарапывая об него собственную кожу. Оказалось, что она почему-то стала слишком ранимой.

Рядом оказалась Лада, бегала она, как выяснилось, быстрее Баяпошки. Или та немного притормозила, когда заметила, что Рост голый. А ведь было время, вспомнил Рост, когда об одежде девушки из племени аймихо заботились так же мало, как о полотенце после купания в море, то есть почти никак не заботились. Или... Да, оказалось, Баяпошку вовсе не смущает его нагота, она просто его усиленно читала. И эта сосредоточенность не позволяла ей действовать слишком уж оперативно.

Ладушка наклонилась над ним, провела рукой по голове... Странное ощущение, хотя, пожалуй, приятное.

– Рост, ты... Лишился всех волос. Даже брови куда-то исчезли.

Он попытался ей улыбнуться.

– Я тебе таким не нравлюсь?

– Что ты? – Ладушка уже набросила на него что-то, смахивающее на слишком просторный халат, и помогла вдеть руки в рукава. – Ты такой... мускулистый. Нет, ты... Я не понимаю, ты словно светишься изнутри. Ты сделался молодым... Как аглор, если бы его удалось вытащить из нузы.

Рост поднялся, посмотрел на свои босые ноги, торчащие из-под халата. И лишь после этого повернулся к Гулливеру. Тот уже... «застегнул» свой горб, в котором находился Ростик, и медленно, не очень уверенно поднимался. Рост все еще находился в связи с ним, как двое близнецов понимают иногда друг друга без слов. И он знал, что теперь Гулливер отправится в свой подвал, где его придется здорово накормить...

– Покормим и напоим, раз он отпустил тебя, – пробурчала Баяпошка. Она уже оказалась рядом, хотя Рост не заметил, как она подошла. И еще он понял, что высказывался вслух.

– А мне бы... искупаться, – попросил он.

– Воды тебе прикажу нагреть сразу же, как только вернемся домой, – уверила Лада.

– Зачем греть воду? – удивился Ростик. – Можно в ручье, вот же он, плещется.

И понял, что действительно даже в этот не слишком теплый весенний денек способен купаться в ледяном потоке, стекающем с Олимпа, и при этом получать удовольствие... Вероятно, он стал малочувствительным.

– Знаешь, – Баяпошка приказывала, словно она была тут главной или самой понимающей, – давай-ка сначала отправимся к начальству.

С этим спорить не приходилось, для этого Ростик и выбрался из Гулливера, из-за начальства.

А вся группа этих людей, прилетевших из Боловска, чтобы взглянуть на него и на Гулливера, собралась в очень плотную стаю. Лишь Перегуда и Пестель с Квадратным стояли сбоку. Причем в центре этого... каре находился Председатель. Правда, когда Рост с обеими девушками дотачился до них, они расступились, расчистив Дондику обзор.

Председатель выглядел настороженным и определенно чего-то ждал. Или прислушивался к тому, что говорили свитские за его спиной. А они, как обычно, пытались на глазок решить очень важную, по их мнению, проблему, как всегда, начальственную и откровенно дурацкую. Кто-то доказывал, что аглоры, при желании, с гигантом расправиться все-таки сумеют, потому что... Рост нетерпеливо дернул плечом, была бы его воля, он бы этого «докладчика» гнал метлой за глупость.

– Как ты? – спросил Дондик наконец, и в группе чинуш стало тихо.

– Нормально, только вот... к этому миру привыкать теперь придется.

Незнакомый Ростик умник выступил вперед и в упор спросил:

– Послушай, Гринева, вот... Предположим, аглоры с ним справятся?

– Не знаю вашего, – Рост сделал ударение на обращении, – имени-отчества, но... достоверно заявляю, что скорее всего нет. Потому что я могу их видеть. Им даже не удастся подобраться ко мне.

– А из пушек? Ты что думаешь?

– Вы, – он снова попробовал установить вежливое обращение, но этого типа с длинным носом и низко, чуть не на скулах сидящими ушами это, видимо, не устраивало, – хотите с Гулливером поссориться? – Перехватив недоумевающий взгляд, он добавил: – Учтите, у него обостренный слух, я за полтора километра разбираю каждое слово, которое тут произносилось. Но еще лучше он читает эмоции и, разумеется, отлично определяет враждебность. Даже потайную, скрытую, вот как у вас.

– Но я не пытаюсь... – начал было низкоухий.

– Пытаетесь, – отрезал Ростик.

– А все-таки, – перед Ростом оказался не кто иной, как Герундий, – он наш? Он готов за нас драться?

– В общем-то, – начал Председатель, – Герман Владимирович прав, такую силу без достаточной лояльности...

– Ты говорил, – не слишком вежливо прервал его Перегуда, вот он был, как обычно, умнее остальных, – у него нет своей воли.

– Это не я говорил... Но воли нет, это правда, – признал Ростик. – Только следует принять во внимание, что он еще маленький, всего несколько дней от роду. Хотя и способный – переписывает в свое сознание мой опыт. – Он вздохнул, оценив, что основная масса этих... начальничков слушает его недоверчиво. – Поймите, мы – единое целое. Если у меня нет к людям... – он проговорился, все еще не слившись с этими людьми, оставаясь по-прежнему с Гулливером, но заметила это только Баяпошка. И все-равно пришлось исправляться: – К моему же роду-племени никаких враждебных настроений, он это тоже усваивает. Но если почувствует враждебность, тогда...

– Я не вижу у него половых признаков, – вдруг пришла на помощь какая-то незнакомая аймихоша. – Мочеточник имеется, а... на размножение он, очевидно, не способен.

– А зачем ему? – спросил Пестель. – Он же из яйца вылупляется.

Рост на всякий случай посмотрел на Гулливера, тот был уже не очень хорошо виден, потому что почти добрался до завода. Он уже прикидывал, как должен войти во двор через ворота, для него это оставалось серьезной проблемой.

– Ты в нем был не считанные дни, – вдруг произнесла Лада, – а почти две недели.

Рост удивленно посмотрел на нее. Неужели же он, с его очищенным сознанием, так вот незаметно потерял счет времени? Но спорить было бесполезно, Лада, конечно, знала это наверняка, иначе бы не говорила. Обдумать это Ростик не успел, потому что Председатель резко спросил:

– Как ты собираешься его использовать?

– Попробую атаковать пауков, – это Ростик придумал однажды во время охоты. – Он очень эффективен ночью, а пауки в темноте не слишком активны... И кроме того, мне кажется, предыдущее мое задание – высаживать траву ихну с той стороны континента никто не отменял.

– Не отменял, – Дондик мигом успокоился, и даже кивнул, подтверждая уместность такого решения.

– Я бы не ходила туда, – вдруг проговорила Баяпошка. – По крайней мере, пока у нас нет достаточного количества таких вот... уродин.

– Он прекрасен, – заявил Ростик.

– Ага... Вот только отращивает броню на животе, груди и на ногах. Про руки я уж и не говорю.

Рост опешил, вернее, растерялся – ведь он-то этого не заметил. Чтобы скрыть замешательство, он повернулся к Дондику, совершенно как Гулливер, всем телом, а не головой.

– У вас имеется другое задание?

– Нет, – немного неуверенно проговорил Перегуда. – Вот только...

– Понимаешь, – энергично заговорил Пестель, – в подвале образовался еще один автоклав, как ты это называл... И никто не знает заранее, что из него появится. Но уже сейчас ясно, что... новое существо будет отличаться от Гулливера, потому что стенки полупрозрачные, и кое-что из того, что там зарождается, видно.

И тогда Ростик сделал удивительную штуку, словно давно об этом раздумывал. А может, и раздумывал, только незаметно для себя, ведь мог же он знать об этом какой-то частью мозга Гулливера. Он сказал:

– Необходимо притащить сюда Еву Бахметьеву.

– Ее-то зачем? – Баяпошка, казалось, была удивлена. Или расстроена. Выждав мгновение, она пояснила: – Она в больнице, колено придется отнимать, а она не соглашается. Еще пару месяцев так вот поупирается, и умереть может.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.